

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

1 ОКТЯБРЯ

№ 19.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редаціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

Отъ 29 февраля 1868 года. *Касательно учрежденія при женскихъ монастыряхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-прокурора, отъ 28 декабря 1867 года за № 7103, слѣдующаго содержанія: По Высочайшему повелѣнію внесенъ былъ въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшій отчетъ Могилевскаго губернатора за 1866 годъ. Въ означенномъ отчетѣ по объясненію о томъ, что открытіе при женскихъ монастыряхъ учебныхъ заведеній для дѣвочекъ, преимущественно духовнаго званія, а также и другихъ благотворительныхъ заведеній, какъ напримѣръ — больницъ и богадѣленъ, могло бы возвысить значеніе самыхъ монастырей въ общественномъ мнѣніи, — послѣдовала Высочайшая ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отмѣтка: „Обратить на это вниманіе Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.“ Комитетъ, заслу-

шавъ означенный отчетъ, между прочимъ положилъ: поминутую Высочайшую Его Величества отмѣтку сообщить Господину Синодальному Оберъ-прокурору къ надлежащему исполненію; за симъ Управляющій дѣлами Комитета Министровъ, увѣдомляя о такомъ положеніи Комитета, препроводилъ къ Господину Оберъ-Прокурору надлежащее извлеченіе изъ отчета Могилевскаго Губернатора. Въ извлеченіи изъ этого отчета объяснено, что въ цѣлой Могилевской губерніи для дѣвочекъ духовнаго званія существуетъ одно только учебное заведеніе, это Буйницкое въ окрестностяхъ Могилева училище, и оно прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ достигаетъ цѣли, но для цѣлой губерніи слишкомъ недостаточно. Въ этомъ отношеніи отличными помощниками администраціи могли бы явиться женскіе монастыри: открытіе при нихъ училищъ, пріютовъ для дѣвочекъ, преимущественно духовнаго званія, изъ которыхъ бы онѣ выходили нравственно и умственно развитыми и привыкшими къ труду, казалось бы, могло быть осуществлено весьма удобно и принесло бы дѣйствительную пользу. По мнѣнію Могилевскаго Губернатора открытіе при монастыряхъ не только учебныхъ, но и другихъ благотворительныхъ заведеній, напримѣръ больницъ, богадѣлень, заслуживаетъ того, чтобы обратить на это вниманіе правительства. Такая мѣра могла бы возвысить значеніе самихъ монастырей въ общественномъ мнѣніи. **П р и к а з а л и:** О содержаніи вышеннеложеннаго извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета Могилевскаго Губернатора и о послѣдовавшей на отчетъ семь Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отмѣткѣ дать знать Преосвященному Архіепископу Могилевскому указомъ, поручивъ ему предложить женскимъ монастырямъ ввѣренной ему епархіи озаботиться принятіемъ мѣръ къ осуществленію предположеніи объ устройствѣ при нихъ учебныхъ заведеній для дѣвочекъ, преимущественно духовнаго званія, и дру-

гихъ благотворительныхъ учреждений, если представится къ тому возможность по имѣющимся въ монастыряхъ средствамъ; независимо отъ сего, циркулярнымъ указомъ на имя Епархіальныхъ Преосвященныхъ, предложить женскимъ монастырямъ и прочимъ епархіямъ объ исполненіи, по возможности, означеннаго предположенія.

Выписка изъ журналовъ Государственнаго Совѣта, относительно устройства Приходскихъ Попечительствъ при православныхъ церквахъ.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ составленные Высочайше учрежденнымъ Присутвіемъ по дѣламъ православнаго духовенства проекты: 1) положенія объ устройствѣ Приходскихъ Попечительствъ при православныхъ церквахъ и 2) наставленія симъ Попечительствамъ по предмету устройства домовъ для причтовъ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) По проекту положенія объ устройствѣ Приходскихъ Попечительствъ.

Государственный Совѣтъ, находя этотъ проектъ вообще соответствующимъ предположенной при составленіи онаго цѣли, остановился лишь на слѣдующемъ:

1) По ст. 2 проекта Приходскія Попечительства состояются изъ мѣстныхъ священнослужителей, церковнаго старосты и членовъ отъ прихожанъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ сихъ послѣднихъ.

Государственный Совѣтъ принялъ во вниманіе, что на Попечительства возлагается обязанность заботиться объ изысканіи средствъ для заведенія въ приходахъ школъ, больницъ и богадѣленъ и вообще завѣдываніе мѣрами призрѣнія (ст. 5); по дѣйствующимъ же постановленіямъ о крестьянахъ, школы и благотворительныя заведенія въ селеніяхъ могутъ быть учреждаемы на счетъ мірскихъ сбо-

ровъ, и попеченіе о школахъ, богадѣльняхъ и больницахъ, содержимыхъ крестьянами, возлагается на волостныя начальства.

На основаніи ст. 78 общаго положенія о крестьянахъ, мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ прямо подлежатъ вѣдѣнію волостнаго схода, а по ст. 84 того же положенія волостной старшина, на обязанности котораго лежитъ представленіе сходу всѣхъ дѣлъ, касающихся нуждъ и пользы волостнаго общества, и адзираетъ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ, и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены волостнымъ обществомъ на свой собственный счетъ.

Такимъ образомъ, при дарованіи сельскому населенію самостоятельнаго общественнаго устройства и управленія, законъ преподалъ имъ всѣ средства къ обезпеченію въ своей средѣ мѣръ призрѣнія, первоначальнаго народнаго образованія и общественной благотворительности. Конечно, нельзя отвергать того, что во всѣхъ этихъ предметахъ участіе Приходскихъ Попечительствъ весьма желательно, но какъ по проекту средствами для содержанія школъ, богадѣленъ и больницъ прихода будутъ служить приношенія отъ прихожанъ, и какъ, съ другой стороны, тѣ же прихожане, въ качествѣ членовъ крестьянской хозяйственной общины, могутъ быть облагаемы сборами мірскими на тѣ же предметы, то надлежитъ всемѣрно остерегаться, чтобы, съ учрежденіемъ предполагаемыхъ Попечительствъ, столь полезное дѣло, какъ учрежденіе школъ и благотворительныхъ народныхъ заведеній, не могло служить поводомъ ни къ какому столкновенію между управленіемъ крестьянскимъ и приходскимъ, и посему послѣднее должно быть устроено такъ, чтобы въ органахъ волостнаго и сельскаго управленія оно могло встрѣчать возможное содѣйствіе.

Посему Государственный Совѣтъ призналъ полезнымъ назначить въ составъ Приходскихъ Попечительствъ, въ

качествъ непремѣнныхъ членовъ оныхъ, волостныхъ старшинъ и головъ, какъ представителей крестьянскаго общественнаго управленія. Такъ какъ при образованіи волостей временно-обязанныхъ крестьянъ принято было въ соображеніе существующее распределеніе крестьянъ по приходамъ, то во многихъ случаяхъ границы волостей совпадаютъ съ предѣлами приходовъ; но весьма часто жители одной волости принадлежать къ нѣсколькимъ приходамъ, или, на оборотъ, къ одному приходу причислены крестьяне различныхъ волостей и даже вѣдомствъ (напримѣръ временно-обязанные и государственные). Посему въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одной волости будетъ нѣсколько приходовъ, волостной старшина или голова долженъ быть членомъ Попечительства во всѣхъ входящихъ въ ту волость приходохъ, и на оборотъ, когда къ одному приходу принадлежать крестьяне разныхъ волостей, то въ попечительство сего прихода должны засѣдать старшины или головы всѣхъ сихъ волостей.

2) По ст. 3 проекта настоятель приходской церкви есть предсѣдатель Попечительства.

Государственный Совѣтъ находилъ прежде всего нужнымъ разъяснить, что Приходскія Попечительства не могутъ и не должны ни въ какомъ случаѣ касаться дѣлъ духовныхъ, участіе въ коихъ прихожанъ не можетъ быть ни подъ какимъ предлогомъ допускаемо. Въ представленномъ проектѣ кругъ дѣятельности Приходскихъ Попечительствъ ясно обозначается: они могутъ заботиться о матеріальномъ благоустройствѣ церкви, объ обезпеченіи причта, о школахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ; они будутъ распоряжаться только тѣми деньгами, которыя будутъ собраны чрезъ ихъ посредство, ни мало ни въ чемъ не стѣсня и даже не касаясь существующихъ уже церковныхъ доходовъ и правъ священника по завѣдыванію сими доходами.

Въ числѣ указанныхъ выше занятій Приходскихъ Попечительствъ, однимъ изъ главныхъ будетъ изысканіе средствъ къ обезпеченію матеріальнаго благосостоянія приходской церкви и причта, и въ этомъ отношеніи настоятель приходской церкви является первымъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицомъ. При такомъ значеніи Приходскихъ Попечительствъ, едва ли было бы удобно постановлять непремѣннымъ правиломъ, чтобы предсѣдателями оныхъ были приходскіе священники.

Такое правило могло бы имѣть вредное вліяніе на успѣхъ предпринимаемой мѣры. Приходскія Попечительства могутъ принести пользу лишь въ такомъ случаѣ, если они будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныя матеріальныя средства, а средства эти могутъ быть получаемы только отъ прихожанъ. Посему успѣхъ вновь учреждаемыхъ Попечительствъ преимущественно зависитъ отъ того участія, какое примутъ въ немъ люди, пользующіеся въ приходѣ нравственнымъ вліяніемъ и имѣющіе достаточныя матеріальныя средства. Въ большинствѣ приходо-въ масса прихожанъ бѣдна, и людей, могущихъ дѣлать значительныя пожертвованія на церковь или своимъ вліяніемъ побуждать другихъ къ приношеніямъ, весьма немного: нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и согласились бы быть членами Приходскихъ Попечительствъ подъ предсѣдательствомъ священника, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство такихъ лицъ можетъ быть привлечено къ участию въ дѣлахъ Попечительства только предоставленіемъ имъ быть главными дѣятелями въ качествѣ предсѣдателей Попечительствъ.

Въ огромномъ большинствѣ нашихъ сельскихъ приходо-въ къ почетнымъ прихожанамъ принадлежать значительныя землевладѣльцы — помѣщики; многіе изъ нихъ сами устроили церкви въ своихъ имѣніяхъ, другіе постоянно поддерживали и продолжаютъ поддерживать приходскія

церкви собственными средствами, и оказываютъ существенную помощь причту. Они были главными, часто единственными жертвователями на содержаніе и украшеніе храма Божія въ имѣній и давали священнику и другимъ членамъ причта средства къ безбѣдному существованію.

Трудно предположить, чтобы такіе землевладѣльцы, бывшіе доселѣ главными распорядителями въ дѣлахъ поручаемыхъ Приходскимъ Попечительствамъ, согласились принять въ нихъ участіе въ качествѣ членовъ, наравнѣ съ бывшими своими крестьянами, подъ предсѣдательствомъ приходскихъ священниковъ, которые по образованію своему и положенію въ обществѣ прихожанъ, вообще стоятъ гораздо ниже землевладѣльцевъ.

Къ сожалѣнію наши священники, за нѣкоторыми конечно исключеніями, не приобрѣли еще такого нравственного вліянія на прихожанъ, которое ставило бы ихъ въ уровень съ почетнѣйшими членами приходовъ и могло бы быть причиною къ назначенію однихъ ихъ, по закону, въ предсѣдатели Приходскихъ Попечительствъ.

По мнѣнію Государственнаго Совѣта, нельзя нимало сомнѣваться въ томъ, что подобная мѣра не только устранила бы отъ участія въ Попечительствахъ землевладѣльцевъ, вообще наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ людей въ приходсахъ и тѣмъ лишила бы новыя учрежденія всякой силы и значенія, но ослабила бы даже и то участіе, какое принимается нынѣ почетными прихожанами приходовъ въ доставленіи средствъ къ устройству и поддержанію приходскихъ церквей и для вспоможенія приходскому духовенству.

По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что въ каждомъ приходѣ сами прихожане лучше всего знаютъ, кто изъ нихъ можетъ принести наиболѣе пользы въ дѣлахъ подлежащихъ завѣдыванію приходскихъ Попечительствъ, Государственный Совѣтъ признавалъ наиболѣе удобнымъ и

приличнымъ предоставить прихожанамъ выборъ предсѣдателя Попечительства, не отвергая значенія голоса священника въ дѣлахъ прихода, близко касающихся церкви, и того вліянія, которое онъ, какъ духовный пастырь прихожанъ, можетъ имѣть на успѣхъ дѣла, Государственный Совѣтъ находить, что ни значенія, ни вліянія этого священникъ не утратитъ въ Попечительствѣ, если будетъ засѣдать въ немъ въ качествѣ непремѣннаго и при томъ первенствующаго послѣ предсѣдателя члена; и бо въ отсутствіи предсѣдателя священникъ долженъ всегда занимать его мѣсто.

Наконецъ, при установленіи, чтобы предсѣдатель Попечительства былъ избираемъ прихожанами, не должно устранивать возможность и священнику, если онъ дѣйствительно пользуется полнымъ довѣріемъ своей паствы, — сдѣлаться предсѣдателемъ, и для сего въ законѣ слѣдуетъ оговорить что прихожане могутъ избирать въ эту должность мѣстнаго приходскаго священника. Этимъ утратится и замѣченное Присутствіемъ подъямъ православнаго духовенства, затрудненіе пріискать достойнаго попечителя-предсѣдателя въ отдаленныхъ приходахъ, гдѣ мало постоянно жительствующихъ помѣщиковъ и образованныхъ людей.

Соотвѣтственно вышележенному Государственный Совѣтъ полагалъ конецъ ст. 2-й, относительно избранія почетныхъ попечителей, исключить изъ проекта.

3) Въ ст. 5 проекта изчислены предметы вѣдомства приходскихъ Попечительствъ. Попечительства сіи обязаны: 1) заботиться о средствахъ содержанія приходской церкви и духовенства и 2) заботиться о пріисканіи средствъ для заведенія въ приходѣ школъ и другихъ благотворительныхъ заведеній.

Государственный Совѣтъ, имѣя въ виду крайне неудовлетворительное состояніе у насъ въ большей части приходовъ, особенно сельскихъ, церковнаго строительства, и затрудненія, встрѣчаемыя въ починкѣ и перестройкѣ ветхихъ и возведенія новыхъ церквей, а еще болѣе въ

устройствъ и содержаніи помѣщеній для священно-и-церковнослужителей, находилъ, что къ числу важнѣйшихъ обязанностей Приходскихъ Попечительствъ будетъ принадлежать попеченіе и изысканіе средствъ къ устройству и содержанію церковныхъ строеній и домовъ для причта, а потому считалъ необходимымъ упомянуть о семъ особо въ ст. 5 проекта.

Кромѣ сего Государственный Совѣтъ, усматривалъ, что въ пунктѣ означенной статьи упоминается объ обязанности Попечительствъ заботиться о средствахъ къ содержанію приходской церкви и духовенства, и находя неудобнымъ такое соединеніе, подъ одну рубрику, неоднородныхъ потребностей приходскаго храма и причта, которыя составляютъ двѣ самостоятельныя и совершенно различныя статьи расхода, признавалъ нужнымъ о каждомъ изъ означенныхъ предметовъ упомянуть особо.

4) Въ ст. 6 проекта говорится о добровольныхъ пожертвованіяхъ въ пользу церкви и о сборахъ, устанавливаемыхъ собраніемъ прихожанъ.

При разсмотрѣніи этой статьи Государственный Совѣтъ обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

а) Относительно пожертвованій, между прочимъ предполагено сборъ оныхъ производить отдѣльно: а) въ пользу церкви и причта и б) для школы и благотворительныхъ заведеній.

Государственный Совѣтъ находилъ, что въ порядкѣ расходованія суммъ и отчетности должны быть строго различаемы потребности церкви отъ потребностей причта и благотворительныхъ цѣлей; а потому и сборъ пожертвованій въ пользу церкви надлежитъ, въ ст. 6, отдѣлить отъ сбора въ пользу причта.

б) Относительно сборовъ, устанавливаемыхъ общими собраніями прихожанъ, между прочимъ, предполагено сборы эти считать обязательными и для лицъ неизъявившихъ

на нихъ согласія, въ томъ случаѣ, если сборъ установленъ по приговору неменѣе $\frac{2}{3}$ лицъ имѣющихъ право участія въ этомъ собраніи.

Государственный Совѣтъ находилъ, что сборы на церковь могутъ имѣть видъ только добротныхъ приношеній; устанавливать, чрезъ посредство Приходскихъ Попечительствъ, новые обязательные сборы, подобно повинностямъ и сборамъ на мірскія надобности, было бы неблаговидно, несогласно съ существующими понятіями о пожертвованіяхъ на церковь и могло бы съ самаго начала не расположить прихожанъ къ новымъ учрежденіямъ.

Кромѣ того Государственный Совѣтъ замѣтилъ, что въ концѣ той же ст. 6 говорится о ходатайствѣ Попечительства предъ посторонними лицами.

Государственный Совѣтъ, имѣя въ виду, что Попечительство всегда имѣетъ возможность обращаться къ частной благотворительности, полагалъ о семъ въ проектѣ не упоминать.

5) Въ ст. 9 проекта говорится о различныхъ церковныхъ преимуществахъ представляемыхъ членамъ Приходскаго Попечительства, по усмотрѣнію мѣстной духовной власти, и предполагается учредить для сихъ лицъ особый знакъ, присвоиваемый ихъ должности для ношенія подобно должностнымъ знакамъ мирового посредника и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія.

Государственный Совѣтъ находилъ, что отъ усмотрѣнія мѣстныхъ священниковъ и епархіальнаго начальства всегда будетъ зависѣть предоставленіе тѣхъ или другихъ преимуществъ при церковныхъ собраніяхъ лицамъ, кои духовная власть признаетъ нужнымъ отличить между прихожанами, во вниманіе къ особымъ ихъ трудамъ и уседію на пользу церкви и прихода; но за симъ нѣтъ никакой надобности упоминать объ этомъ въ текстѣ закона, имѣющаго исключительно свѣтскій, гражданскій характеръ.

Равнымъ образомъ Государственный Совѣтъ не признавалъ ни необходимымъ ни удобнымъ устанавливать для членовъ Приходскихъ Попечительствъ особый знакъ, ибо обязанности и родъ занятій ихъ вовсе не требуютъ наружныхъ знаковъ отличія, какіе уст новлены для лицъ, занимающихъ должности административныя и исполняющихъ обязанности постоянныя и почти непрерывныя.

6) Ст. 10 проэкта опредѣляетъ составъ и порядокъ созванія и дѣйствій общаго собранія прихожанъ. Собранія сіи предполагается составить изъ всѣхъ домохозяевъ прихода и изъ прочихъ прихожанъ, домами въ приходѣ не владѣющихъ, но имѣющихъ по закону право участвовать въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества, или же кто принадлежитъ къ дворянскому сословію — въ дворянскихъ собраніяхъ.

Государственный Совѣтъ находилъ, что точное опредѣленіе состава собранія прихожанъ въ положеніи о Попечительствахъ чрезвычайно трудно.

Если, согласно редакціи ст. 10 проэкта, въ общія собранія прихожанъ допускать только домохозяевъ, владѣющихъ домами, и лицъ, имѣющихъ права участвовать въ сельскихъ и городскихъ обществахъ и въ собраніи дворянства; то на практикѣ окажутся весьма важныя неудобства. Въ собраніяхъ прихожанъ примуть участіе всѣ домохозяева изъ крестьянъ, но будутъ устранены мелкопомѣстные дворяне, школьные учителя, врачи, чиновники и управляющіе имѣніями, если эти лица не владѣютъ домами въ приходѣ. Кромѣ того устраняются также проживающіе въ наемныхъ квартирахъ иногородные купцы, достаточные промышленники и ремесленники.

Между тѣмъ устраненіе всѣхъ этихъ лицъ, часто наиболѣе вліятельныхъ и зажиточныхъ въ приходѣ, значительно повредило бы успѣху Приходскихъ Попечительствъ и равнялось бы, во многихъ случаяхъ, лишенію приходо

одного изъ существенныхъ источниковъ дохода.

При невозможности изчислить въ законѣ всѣ лица, которыя могутъ принять полезное участіе въ собраніяхъ прихожанъ, Государственный Совѣтъ признавалъ наиболее удобнымъ предоставить самимъ Приходскимъ Попечительствамъ допускать въ сіи собранія, кромѣ лицъ указанныхъ въ ст. 10 проекта, и другихъ прихожанъ, занося ихъ въ списки имѣющихъ право участвовать въ означенныхъ собраніяхъ. Веденіе такихъ списковъ необходимо и потому, что на основаніи ст. 10 проекта собраніе прихожанъ для постановленія какого либо рѣшенія должно состоять не менѣе какъ изъ одной десятой части лицъ имѣющихъ право въ немъ участвовать; удостовѣреніемъ же въ томъ, что число членовъ состоявшагося собранія не ниже указанной нормы могутъ служить такіе списки. Веденіе сихъ списковъ будетъ лежать на обязанности Попечительствъ; до открытія же оныхъ первоначальный списокъ можетъ быть составленъ священникомъ—настоятелемъ церкви, при участіи десяти почетнѣйшихъ изъ прихожанъ.

7) По ст. 12 въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ учрежденіе Попечительствъ изъ нѣсколькихъ выборныхъ членовъ оказалось бы непримѣнимымъ на дѣлѣ, обязанности Попечительства могутъ быть возлагаемы, съ утвержденія Епархіальнаго Архіерея, на одно лицо, съ присвоеніемъ ему званія приходскаго попечителя. При этомъ предполагается попечителю сему предоставить выбирать въ помощь себѣ сотрудниковъ.

Государственный Совѣтъ, имѣя въ виду, что попечители учреждаются въ тѣхъ только приходяхъ, гдѣ не изъ кого составить коллегіальное попечительство и посему не изъ кого будетъ попечителю выбрать себѣ помощниковъ, ибо если бы сіи помощники были на лицо, то не предстояло бы затрудненія къ учрежденію самаго попечительства, полагалъ конецъ ст. 12, со словъ: „въ помощь себѣ оно

можетъ⁴ и т. д. изъ проекта исключить.

11) По проекту наставленія Приходскимъ Попечительствамъ при православныхъ церквахъ по предмету устройства домовъ для причтовъ.

Государственный Совѣтъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Высочайше учрежденнаго Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, что устройство домовъ для церковныхъ причтовъ составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ нашего приходскаго духовенства, и что по самой цѣли учрежденія Приходскихъ Попечительствъ, обязанныхъ заботиться о благоустройствѣ и благосостояніи приходскихъ церквей и причта въ хозяйственномъ отношеніи ближайшее участіе ихъ въ постройкѣ означенныхъ домовъ должно составлять предметъ особой ихъ заботливости, признавалъ, однако, неудобнымъ издавать съ этою цѣлію для Попечительствъ наставленіе, такъ какъ подобное наставленіе, составленное изъ подробныхъ правилъ, едвали необходимыхъ для дѣла и долженствующихъ выясниться впоследствии опытомъ, можетъ только затруднить вновь устанавливаемые учрежденія, еще совершенно не привыкшія къ дѣлопроизводству, и всякое законодательнымъ порядкомъ изданное наставленіе, заключающее въ себѣ подробности несущественныя, можетъ, такъ сказать, запугать новыя Попечительства въ первой порѣ ихъ дѣятельности охладить то рвеніе, съ которымъ они приступятъ къ своимъ занятіямъ, если не будутъ стѣснены никакими излишними инструкціями.

По симъ основаніямъ, и имѣя въ виду изложенныя выше, по ст. 5 проекта положенія о Приходскихъ Попечительствахъ, соображенія, по коимъ признано нужнымъ включить въ проектъ, въ число обязанностей сихъ Попечительствъ попеченіе объ устройствѣ и содержаніи какъ церковныхъ строеній, такъ и домовъ для причтовъ, — Государственный Совѣтъ полагалъ: предполагаемаго Присут-

ствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства проекта на-
ставленія Приходскимъ Попечительствамъ, по предмету
устройства домовъ для причтовъ, не издавать.

На сихъ основаніяхъ исправлено положеніе о Приход-
скихъ Попечительствахъ при православныхъ церквахъ и по-
становлено мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно
ихъ устройства, удостоенныя Высочайшаго Его Импе-
раторскаго Величества утвержденія.—

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи на священнослужительскія мѣста.

Студентъ Семинаріи Петръ *Благодаровъ* опредѣленъ во
священника въ село Малую Байгору Усманскаго уѣзда.

Студентъ Семинаріи Алексѣй *Полянский* опредѣленъ во
священника къ новостроющейся въ деревнѣ Пителиной
церкви Елатомскаго уѣзда:

Воспитанникъ Семинаріи Петръ *Преображенскій* опре-
дѣленъ во священника въ село Кобяково Елатомскаго
уѣзда.

Студентъ Семинаріи Макарь *Шевальевскій* опредѣленъ
во священника въ село Паревку Кирсановскаго уѣзда.

Воспитанникъ Владимірской Семинаріи Петръ *Грандій-
скій* опредѣленъ во священника въ село Матвѣевскій Май-
данъ Спаскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Иванъ *Альевъ* опредѣленъ во
священника въ село Новое Томниково Шацкаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Александръ *Гроздовъ* опредѣ-
ленъ во священника въ село Теплое Лебединскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Петръ *Димитревскій* опредѣ-
ленъ во священника въ село Стрѣлецкіе Выселки Тамбов-
скаго уѣзда.

Священникъ села Липяговъ Борисоглѣбскаго уѣзда Ѳеодоръ *Ракшинскій* перемѣщенъ въ село Бурнакъ того же уѣзда, на мѣсто уволившагося заштатъ Павла *Денисова*; въ село же Липяги опредѣленъ студентъ Семинаріи Михаилъ *Дубровский*.

Студентъ Семинаріи Ѳеодоръ *Шаровъ* опредѣленъ во священника въ село Малую Пичаевку Моршанскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Дмитрій *Преображенскій* опредѣленъ во священника въ село Спаскія Буты Спасаго ¹ уѣзда, на мѣсто уволившагося заштатъ Авраамія *Жукова*.

Священникъ села Куликова Усманскаго уѣзда, Николай *Зарницынъ* перемѣщенъ къ соборной церкви города Усмани на мѣсто умершаго священника Георгія Щеглова; съ село же Куликово опредѣленъ студентъ Семинаріи Николай *Тихонравовъ*.

Воспитанникъ Семинаріи Петръ *Лекціоновъ* опредѣленъ во священника въ село Девлятяково Темниковскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Михаилъ *Смирновъ* опредѣленъ во священника въ Станичную Слободу г. Борисоглѣбска.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ редакціи Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей продается, вышедшая недавно осьмымъ изданіемъ, книга:
Иисусъ Христосъ на Голгоѣѣ.

или

СЕМЬ СЛОВЪ ЕГО НА КРЕСТѢ.

Цѣна книгъ—50 коп., сер. а съ пересылкою—60 коп. Выписывающіе десять книгъ и болѣе за пересылку не платятъ ничего. При выпискѣ книги въ болѣе значительномъ количествѣ экземпляровъ дѣлается особая уступка: выписывающіе пятьдесятъ экземпляровъ и болѣе платятъ вмѣстѣ съ пересылкою за каждую книгу по 45 коп., а выписывающіе сто и болѣе экземпляровъ платятъ съ пересылкою только 40 коп. за книгу.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ.

Съ дозволенія цензуры. 4 Октября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

1 ОКТЯБРЯ

№ 19.

1868 ГОДА.

КАКЪ СОСТАВИТЬ ПРОПОВѢДЬ?

(Окончаніе.)

2) *Словесныя свойства каждой части проповѣди въ особенностяхи.*

Существенныя и необходимыя части проповѣди суть: а) приступъ, б) предложеніе, в) раздѣленіе, г) убѣдительное доказываніе, д) увѣщаніе съ приложеніемъ и е) заключеніе. Приступъ привлекаетъ и устанавливаетъ вниманіе на предметъ; предложеніе съ раздѣленіемъ составляютъ сѣмя всего слова; часть доказывающая развиваетъ его и полагаетъ основу увѣщанію съ приложеніемъ; въ увѣщаніи съ приложеніемъ — цѣль слова и его сердце. Заключеніе — вѣнецъ всего.

Всѣ сии части, подчиняясь общимъ законамъ развитія мыслей и выраженій, подчиняются и своимъ особеннымъ; каждая имѣетъ свой планъ, свою цѣль, свою матерію и свой, такъ сказать, умъ, ее обрабатывающій. Касательно вѣсхъ ихъ одинъ законъ: всякой части слова должно дать развитіе, ширину и силу; а равно и выраженіе и языкъ, соотвѣтственно ея значенію въ составѣ словъ. Только такимъ образомъ все въ словѣ будетъ цѣ-

лесобразно и стройно. Иначе слово будетъ походить на одежду, въ которой одинъ рукавъ длиннѣе, другой короче, на одной сторонѣ клинья большіе, на другой совсѣмъ ихъ нѣтъ.

А) *Приступъ*. Приступомъ надобно собрать во едино вниманіе слушателей, которое у каждаго занято чѣмъ нибудь своимъ,—и потомъ указать ему предметъ слова.—Потому

а) Приличнѣе начинать приступъ рѣчью тихою, даже и тогда, когда особенное свойство предмета требуетъ нѣкоторой стремительности и возвышенія. Проповѣдникъ можетъ горѣть сердцемъ, но слушателей надобно возводить въ сіе состояніе постепенно.

б) Не нужно слишкомъ распространять его, особенно у насъ. Слушатели уже готовы слушать; желаютъ только знать—о чѣмъ. Потому, кратко изложивъ общую мысль и выяснивъ полнѣе побужденія, заставляющія говорить о томъ или другомъ, скорѣе переходить надобно къ предмету. Утомить вниманіе ожиданіемъ сего указанія весьма невыгодно. Чѣмъ короче приступъ, тѣмъ лучше, такъ однакожъ, чтобъ при краткости были соблюдены существенныя его части.

в) Начинать его надобно просто; запутывать хитрословіемъ, или намѣренно скрывать ходъ мыслей, острить и мудрить совсѣмъ несообразно съ назначеніемъ приступа.

б) Однакожъ не должно быть *небрежну* въ приступѣ. Подать о себѣ невыгодное мнѣніе въ началѣ весьма невыгодно. Начало слова требуетъ осмотрительности и тщательной отдѣлки; только при этомъ и то надобно имѣть въ виду, чтобъ не

дать многого отъ себя ожидать. Пышность и великолѣпіе нейдутъ къ приступу.

Б) *Предложеніе*, Приступъ оканчивается изложеніемъ предмета въ предложеніи, которое составляетъ какъ бы заключеніе содержащихся въ немъ мыслей. Сіе предложеніе должно быть выражено ясно, кратко и опредѣленно, чтобъ слушатель вполне могъ понять, о чемъ будетъ толкуемо и для чего. Слова переносныя, ненужная прибавка прилагательныхъ, или вносныхъ предложеній должны быть чужды ево.

В) Послѣ предложенія надобно ясно и опредѣленно излагать и *раздѣленіе*. Нельзя одобрять пропускъ раздѣленія. Это оставляетъ слушателя въ неопредѣленномъ гаданіи, и онъ блуждая мыслями, не видитъ куда его ведутъ, и чѣмъ кончится все. Подобный пропускъ особенно невыгоденъ, когда предложеніе тѣсно слито съ приступомъ. Итакъ

а) Раздѣленіе должно излагать.

б) Сіе изложеніе, какъ и въ предложеніи, должно быть ясно, кратко, опредѣленно, и обнимать всю обширность матеріи; только краткость нашихъ поученій можетъ иногда извинять недостатокъ раздѣленія.

в) Лучше всего, когда раздѣленіемъ служить текстъ или изреченіе Св. Отцевъ. Къ сему присоединять нужно только краткія поясненія для указанія связи и соотношенія частей.

г) Еще лучше если можно прибрать какой нибудь образъ и къ нему привить все части дѣленія. Образъ сильнѣе напечатлѣетъ части слова въ умѣ слушателей и поможетъ имъ безъ труда удержать въ памяти все содержаніе слова.

д) Вообще можно положить, что части проповѣдей у насъ суть разные доводы, подтверждающіе одну мысль, которая доказываетъ предлагаемую истину.—Потому если выяснитъ кратко главное доказательство, какъ положеніе и указать доводы или тѣ пути, коими слушатели будутъ доводимы до убѣжденія въ немъ, то получится полное раздѣленіе, и очертится весь планъ проповѣди.

Г) *Доводы.* а) Всѣ приводимые доводы направляются къ тому, чтобъ доказать одну мысль. Потому всѣ они и должны быть проникнуты сею мыслию,—и быть руководимы ею въ своемъ развитіи. Все ненаправленное къ сей мысли, есть излишнее отступленіе. Потому во время развитія доводовъ не надобно упускать ея изъ вида. Отъ недостатка, или отъ неуясненія себѣ сей единой мысли доводы будутъ разбиты, несвязны и безсильны.

б) Въ самомъ раскрытіи доводовъ опасаться должно единообразія, скучнаго и утомляющаго, единообразія въ оборотахъ и въ приѣмахъ развитія мыслей. Не хорошо, когда одни и тѣже приемы стоятъ у всѣхъ доводовъ и въ началѣ, и въ продолженіи и въ концѣ. Но по широтѣ они всѣ должны быть сколько возможно во взаимной соразмѣрности.

в) Есть доводы очень обыкновенные и общеизвѣстные, какъ и большая часть святыхъ истинъ. Не всеѣмъ, однакожъ, хорошо извѣстны тѣ нити, коими онѣ связываются съ доказываемою истиною. Указаніе сихъ связей представить самые доводы въ новомъ свѣтѣ. Потому недолжно чуждаться ихъ и изыскивать всегда новое, уточненное; хрис-

тіанскія истины новы при всей извѣстности. Скажи съ убѣжденіемъ простую истину, и слово твое пройдетъ до сердца. Но никакъ не должно напрягаться усилить то, что не требуетъ того. На той мысли только и настаивать должно, какая даетъ силу доводу.

г) Назначеніе доводовъ подтвердить доказательство—съ силою и убѣжденіемъ. Сила ихъ не въ многомысліи, а въ ясности и очевидности. Потому каждый изъ нихъ должно раскрывать столько, сколько нужно, чтобъ довести его до очевидности. Прибавлять что, послѣ того какъ уже все ясно, безъ пользы, но со вредомъ. Проникнись и согрѣйся теплотою истины, и немногими словами убѣдишь.

е) Какъ всѣ доводы направляются къ одному, то между ними долженъ быть тѣсный союзъ, не всегда однакожь очевидный. Для уясненія и показанія его назначаются переходы. Хорошо ихъ не опускать. Они дѣлаютъ всѣ доводы однимъ живымъ составомъ. Сія переходы должны состоять не въ словахъ, а въ мысляхъ. Потому такъ надобно развивать одинъ доводъ, чтобъ онъ естественно приводилъ къ другому. Выразать ихъ должно кратко, но ясно и мѣтко.

ж) Если встрѣтятся возмможныя возраженія, не должно пропускать ихъ; искусное и сильное опроверженіе ихъ не ослабляетъ, а усиливаетъ доводъ.

з) Всячески должно разставлять доводы въ возрастающей силѣ, чтобъ послѣдній сильнѣйшій оставилъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Это тѣмъ нужнѣе въ концѣ доказывающей части, что послѣ ней тотчасъ должно слѣдовать увѣщаніе, которо-

му основаніемъ служить убѣжденіе. Легко увѣщивать когда убѣждены; какъ, напротивъ, увѣщаніе къ тѣмъ, кои не убѣждены, есть напрасная трата словъ.

и) Мѣрою и оцѣнкою доказывающей части должна служить увѣренность, что убѣжденіе будетъ произведено. Это скажетъ проповѣднику его сердце. Если убѣжденъ самъ, то убѣжденіе не можетъ не перелиться и въ слово. Потому вѣрно говорятъ: поставь себя на мѣсто слушателей; если тебя убѣждаютъ доводы, то они будутъ убѣдительно и для слушателей.

i) Изъ всѣхъ доводовъ вытекаетъ одна мысль, доказывающая избранный предметъ. Это—точка опоры для увѣщанія, или склоненія воли и приложения. Какъ предъ симъ были указываемы нити, коими предлагаемая истина связывается съ другими истинами, такъ теперь слѣдуетъ открыть нити, коими она связуется съ внутреннѣйшими возбудителями человѣческой воли и съ жизнью. Проповѣдь, въ которой недостаетъ сей части,— не проповѣдь.

Какія именно мысли должны войти сюда, проповѣдникомъ должны быть осмотрѣны прежде, или лучше должны быть извѣстны его сердцу, и испытаны самымъ дѣломъ въ жизни. Характеръ сей части—твердая *увѣренность* и *сердечность*. Источникъ силы ея—*любовь къ слушателямъ*, жаждущая ихъ блага и совершенства. Чтобъ успешно составить ее, надобно быть проповѣднику въ чувствѣ, не въ страсти, а въ духѣ ревности Апостольской. Она научитъ его, какъ что сказать. Итакъ—

а) Не пиши лучше сей части, если ты не въ чувствѣ. Освѣжись, снова углубись, помолись, вся-

чески растрогай свою душу. Можно раскрыть все, чѣмъ можетъ быть побѣждена воля, но холодность и сухость отнять всю силу у сихъ истинъ. Не останавливайся за недостаткомъ словъ и фразъ, или заботою объ ихъ исправленіи. Пиши за однимъ духомъ, послѣ выступишь.

б) Не должно думать, что здѣсь надобно пламенѣть и сыпать словами и фразами. Одинъ духъ отеческаго, любовнаго увѣщанія и уговариванія долженъ приводить въ движеніе языкъ и перо проповѣдника. Воспламенѣніе духовное только тогда уместно, когда сердце преисполнено духомъ жалости къ погибающимъ, или духомъ ревности, укоряющей за неисполненіе того, что такъ часто слушалось, слѣдовательно, только у проповѣдниковъ уважаемыхъ уже.

в) Мысли, излагаемыя здѣсь, не могутъ не имѣть связи съ мыслями, раскрытыми въ доводахъ. Но въ томъ ли ихъ порядкѣ развивать, въ какомъ и тѣ размѣщены, или въ другомъ какомъ,—это опредѣлить сердце проповѣдника.

г) Иногда изъ приложенія нѣтъ нужды дѣлать особой части. Мысли его могутъ быть слиты съ увѣщательною и размѣщены въ ней по приличію. Это не только не ослабитъ, но еще больше придастъ силы увѣщанію, указывая тотчасъ и образъ исполненія того, что внушается.

д) Какъ велика должна быть сія часть? Когда выскажешь все, и довольно. Но судя по цѣли проповѣди, она должна имѣть большее пространство, нежели всѣ доводы вмѣстѣ. У Св. Отцевъ увѣщаніе иногда одно составляетъ слово, или тотчасъ начинается послѣ краткаго указанія доказательствъ, или самыя доказательства вводятся въ

нее, съ особеннымъ направлениемъ къ увѣщанію.

Д) *Заключеніе*. Оно нужно, иначе проповѣдь не будетъ имѣть конца, безъ котораго мы не оставляемъ и простаго разговора. Но составить хорошее заключеніе не совѣмъ легко.

а) Судя потому, что оно слѣдуетъ за увѣщаніемъ, необходимо, чтобъ оно силою мыслей своихъ подходило къ силѣ увѣщанія, съ тѣмъ чтобъ или еще болѣе возвысить ее, или утишить, по примѣру окончанія отеческаго увѣщанія дѣтямъ, которое иногда оканчивается и кротостію отеческою.

б) Мысли заключенія должны имѣть отношеніе ко всему составу слова, и какъ бы совмѣщать его въ себѣ все. Но они не должны быть перечисленіемъ частей, хотя и онѣ должны быть въ немъ видны. Надобно придумать такой оборотъ мыслей и рѣчи, при которомъ можно бы это выполнить, и между тѣмъ въ силѣ и духѣ не быть далеку отъ силы и духа увѣщанія. Изобрѣтеніе сего ожидается отъ искусства проповѣдника. Хорошо, если найдется текстъ, въ краткомъ поясненіи котораго можно совмѣстить съ силою все содержаніе проповѣди. Это будетъ самое хорошее заключеніе. Молитва къ Богу, когда къ ней естественно приводитъ увѣщаніе, есть прекрасная форма заключенія.

в) Но заключеніе всегда должно какъ бы выливаться изъ предъидущихъ мыслей, и уже въ концѣ своемъ дать замѣтить слушателямъ, что конецъ и проповѣди. Оно не должно быть длинно, должно быть выражено кратко и сильно. Неприятны заключенія вялыя, растянутыя, сухія и холодныя.

3) *Выправка слова.*

Написанную проповѣдь надобно подвергнуть критикѣ, пересмотру, выправкѣ. Рѣдкій можетъ написать слово такъ совершенно, чтобъ послѣ въ немъ не нужно было одного измѣнить, другаго дополнить, иное выпустить. И заботиться слишкомъ о такой окончательной отдѣлкѣ во время сочиненія не должно; потому что этимъ можно мѣшать свободному теченію мыслей. Съ другой стороны надобно быть слишкомъ самоувѣрену, безпечну, чтобъ не чувствовать нужды пересмотрѣть и исправить написанное слово. Особенно же, когда слово писано въ нѣсколько пріемовъ, оно не можетъ имѣть единства и ровности тона: надобно все сладить и направить къ одному.

Притомъ кто не поправляетъ, тотъ никогда не научится писать проповѣди; между тѣмъ какъ неослабною надъ собою критикою можно дойти до навыка писать такъ хорошо, что рѣдко что нужно будетъ поправлять.

Критикѣ и пересмотру должно подвергнуть проповѣдь во всемъ ея составѣ. Главный планъ и расположеніе должно быть осмотрено прежде сочиненія. Теперь обратить вниманіе должно на: 1) развитіе мыслей, 2) обороты рѣчи, и 3) слововыраженіе.

1) Относительно развитія мыслей:

а) Всѣ ли части проповѣди получили должное развитіе:

Не длиненъ ли приступъ? видны ли предложеніе съ раздѣленіемъ? части соразмѣрны ли взаимно? нѣтъ ли такой, которая очень длинна, или такой, которая очень коротка? выдерживаетъ ли

свое значеніе увѣщаніе съ приложеніемъ, равно какъ и заключеніе?

б) Ясно ли все, есть ли теплота и сила? можно ли надѣяться, что слушатели все поймутъ, убѣдятся и примутъ?

в) Нѣтъ ли гдѣ ненужныхъ отступленій, слишкомъ большихъ и ненужныхъ разъясненій? Все ли течетъ такъ естественно и связно, что ни выбросить, ни прибавить ничего нельзя?... И направлено ли все къ одной цѣли?

г) Не одинаковъ ли вездѣ ходъ самаго развитія? Не съ одного ли и того же вездѣ начинаешь и не тѣмъ же ли вездѣ оканчиваешь?

д) Сохраненъ ли наконецъ повсюду одинъ тонъ, одна главная степенъ напряженія мыслей и чувствъ? Нѣтъ ли слишкомъ быстрыхъ испаденій и возвышеній?

2) Касательно оборотовъ: а) Представляетъ ли вся проповѣдь характеръ разговорной рѣчи? Нѣтъ ли длинныхъ монологовъ, дѣлающихъ ее похожею на разсужденіе?

б) Есть ли движеніе и жизнь въ рѣчи и оборотахъ? Поворотлива ли рѣчь и легка, не вялы ли и не тяжелы ли обороты?

в) Соблюдено ли разнообразіе въ оборотахъ? Не одною ли вездѣ фигурою начинается каждое отдѣленіе? Не повторена ли одна и та же фигура нѣсколько разъ?

г) Прилична ли каждая изъ нихъ своему мѣсту, предмету, цѣли?

д) Точны ли метафоры и пужилы ли? Не лучше ли замѣнить ее простою фразою, развить сравненіе, или простую фразу обратить въ метафору, сокративъ сравненіе?

е) Пѣтъ ли слишкомъ смѣлыхъ фразъ, бросающихся въ глаза, ненужныхъ остротъ, кажущихся углубленій? Ни одна фраза не должна выдаваться изъ другихъ: все должно быть слито въ уровень и только внутри разнообразить рѣчь, сообщая ей чрезъ то движеніе и живость.

3) Касательно слововыраженія или языка:

а) И на *грамматическія* достоинства языка надобно обратить вниманіе; ибо въ поспѣшномъ писаніи иногда можетъ проскользнуть невѣрность и въ грамматикѣ;

б) на *логическія* тѣмъ болѣе. Погрѣшности противъ точности, определенности и связности, оставленныя безъ выправки, прямо вредятъ слову; затемняютъ, спутываютъ, обременяютъ.—Такъ надобно со вниманіемъ пересмотрѣть все нарѣчія, прилагательныя, вносныя предложенія и связки.—Пужны ли онѣ, къ мѣсту ли; и не требуется ли замѣнить ихъ другими?

в) Но главная забота должна быть обращена на достоинства языка эстетическія. Исправлять здѣсь значитъ *ладить слогъ или языкъ*, приводить его въ гармоническій строй. Больше всего это нужно сдѣлать для облегченія произношенія. Произносить слово неслаженное, равно какъ и слушать, есть мученіе. Потому надобно хорошо пересмотрѣть, пѣтъ ли неблагозвучій,—плавно ли текутъ акцентны,—округла ли вездѣ рѣчь? Все эти неровности, преткновенія, заминанія надобно исправить и выгладить.

Судя по этимъ сторонамъ или предметамъ выправки видно, что она не должна быть дѣломъ минутнымъ или легкимъ. Надлежащая выправка есть пересочиненіе слова въ полномъ смыслѣ. Мѣ-

жетъ оказаться нужнымъ не только сократить и выпустить, или распространить и прибавить; но иное советъ предѣлать—дать другой оборотъ, другое мѣсто. Потому, кончивъ сочиненіе проповѣди, не должно опускать руки и ослаблять вниманіе, помня, что еще предлежитъ трудъ и, можно сказать, важнѣйшій.

Чтобъ произвести выправку какъ должно,—а) не слѣдуетъ приступить къ ней тотчасъ по окончаніи сочиненія. Надобно дать себѣ отдыхъ, сколько позволитъ время, и потомъ браться снова за трудъ окончательнаго пересмотра.

б) Перечитать сначала все, и потомъ начать критику по всемъ показаннымъ пунктамъ.

в) Не смотрѣть на проповѣдь, какъ на свою, а какъ на чужую, и хладнокровно вычеркивать ненужное, поподнять недостающее, и исправлять неисправное.

г) Не жалѣть своего, и не считать чего либо хорошимъ потому только, что оно ново, самимъ придумано, и подаетъ надежду произвести эффектъ. Это-то можетъ быть и есть самое худое. На все нужно смотрѣть въ целомъ и въ примененіи къ цели.

д) Особенной предосторожности требуетъ часть увѣщательная, когда она писана съ чувствомъ и движеніемъ. Въ семь случаевъ она можетъ излиться иногда слишкомъ напряженно и строго, или зайти за предѣлы приличія. Надобно всему дать въ ней мѣру; однакожь осторожно, чтобъ не ослабить, не охладить, не обратить всего въ разсужденіе.

е) Когда пересматривается развитіе мыслей и чувствъ, не надобно быть холоднымъ, а войти въ свойственную предмету сферу углубленія и чувствъ.

ва. Это скорѣе поможетъ замѣтить излишнее или недостающее. Съ холодностію нужно пересматривать только обороты рѣчи и ладь языка.

ж) Мѣрою выправокъ можетъ быть только внутренній голосъ. Надобно не переставать выправлять до тѣхъ поръ, пока не будутъ успокоены все его требованія, и особенно относительно тѣхъ частей и пунктовъ, на которые онъ намекаетъ. Если свой судья недоволенъ, чужой болѣе не можетъ быть довольнымъ. Однакожь не слѣдуетъ поблажать и скрупулезной мнительности.

И то правда, что нѣкоторое недовольство безотчетное бываетъ върѣе самодовольной самоуверенности.

з) Когда все слажено, надобно переписать и снова пересмотрѣть. Если ничего болѣе не представится требующимъ исправленія, можно считать слово окончательно готовымъ, добросовѣстно составленнымъ, и доведеннымъ до такого совершенства, на какое возвестъ его достало у насъ силъ, ума и вкуса.

Заключительное примѣчаніе.

Слово написанное есть еще мертвое. Оно становится живымъ и дѣйственнымъ въ самомъ проповѣданіи, или въ произнесеніи и сказываніи его. Цель проповѣди и проповѣдника достигается только здѣсь: здѣсь собственно совершается, священнодѣйствіе слова; доселѣ были только приготовленія къ тому. Потому если составленіе проповѣди требуетъ большаго вниманія; то тѣмъ болѣе требуетъ его самое проповѣданіе. Худымъ произношеніемъ можно уронить и хорошую проповѣдь, и, слѣдовательно, сгубить иногда весь долгій трудъ,

употребленный на составленіе ея; тогда какъ хорошее произношеніе скрашиваетъ и не совѣтъ красивое слово. Какъ не хорошо потому поступаютъ тѣ, кои мало радятъ о семъ священнѣйшемъ дѣлѣ! Чтобъ сказываніе слова шло успешно, къ нему надобно надлежащимъ образомъ приготовиться.

Приготовленіе сіе состоитъ въ твердомъ изученіи слова на память, съ примѣненіемъ къ произношенію его съ церковной кафедры.

Кто дорожитъ своимъ трудомъ и значеніемъ проповѣдника, тотъ не полѣнится хорошо выучить слово, которое намѣренъ произносить. Это изученіе доставитъ ему большія выгоды и избавитъ отъ большихъ затрудненій.

1) Проповѣдь есть собесѣдованіе съ слушателями. Какъ должно быть для нихъ непріятно, когда проповѣдникъ не бесѣдуетъ съ ними, но весь устремленный въ свою тетрадь, только ее одну созерцаетъ съ услажденіемъ. Они ожидаютъ отъ тебя живаго слова. Если не можешь говорить прямо, выучи по крайней мѣрѣ заготовленную проповѣдь, чтобъ имѣть возможность произнести ее такъ, чтобъ она походила не на приготовленную предварительно.

2) Кто хорошо выучитъ свое слово, у того произношеніе будетъ живо, свободно и естественно. Напротивъ, не выучившій его, противъ воли иногда произноситъ не такъ, какъ слѣдуетъ, оставаясь иногда не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, протягиваетъ, что должно быть укорочено, и укорочиваетъ, что должно быть протянуто, и никакъ не можетъ какъ должно соразмѣрить своего голоса съ ходомъ мыслей, заботясь непрестанно о томъ, что

слѣдуетъ впереди, а не о томъ, что теперь говорится, спотыкается, возвращается, повторяетъ. А о дѣйствованіи и говорить нечего! Оно неизбежно связано и мертво.

3) Изученіе слова на память способствуетъ къ совершеннѣйшей отдѣлкѣ самаго слова. Когда заучиваешь, легче увидишь недостатки, позаботишься исправить ихъ,—округлишь длинныя и неуклюжіе періоды; сладишь обороты, подкрѣпишь мѣста слабыя, лишнее отбросишь, недостающее прибавишь. А это выгода весьма немалая для учащагося.

4) Оно образуетъ слогъ и сообщаетъ навыкъ легко владѣть языкомъ, удѣляя отъ каждаго полученія лучшія выраженія, обороты и формулы рѣчи, такъ что проповѣдникъ въ послѣдствіи времени, можетъ быть, въ состояніи будетъ говорить хорошо и безъ предварительнаго приготовленія проповѣди.

Заученная проповѣдь готова для кафедры, здѣсь конецъ и правиламъ о составленіи ея или приготовленіи для кафедры.—

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ,

Огюста Николя.

XV.

О БОГОСЛУЖЕНІИ И ОБРЯДАХЪ.

(Окончаніе.)

Какъ присутствіе Господа Иисуса Христа въ безкровной жертвѣ и благодатныя дары въ Таинствахъ составляютъ основаніе Богослуженія церковнаго, такъ исторія Его земной жизни служитъ предметомъ празднествъ Христіанскихъ. Божественный образъ Господа Спасителя ежегодно воспроизводится въ празднественныхъ воспоминаніяхъ важнѣйшихъ событій изъ Его земной жизни отъ Его рождества до вознесенія на небо и ниспосланія Духа Святаго на Апостоловъ. Послѣдовательность этихъ событій въ Его жизни сдѣлалась какъ бы указаніемъ видоизмѣненій въ земномъ существованіи человѣчества. Его рожденіе, какъ ожидаемое, такъ исполнившееся, наполняетъ собою все времена и образуетъ точку пресѣченія вѣковъ, предшествовавшихъ этому событію и послѣдующихъ за нимъ. Воспоминаемыми событіями изъ Его жизни каждый годъ раздѣляется на священныя празднества, которыми обнимается и освящается все теченіе времени и, каждый день его связуется съ вѣчностію.

Черезъ это Господь Иисусъ Христосъ, жившій въ царствованіе Тиверія въ Галилеи, всегда и вездѣ живетъ такъ же существенно, какъ и тамъ, хотя

и отличнымъ образомъ, чѣмъ тамъ, и соединяется съ челоуѣчествомъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ его судьбъ. Что сдѣлалъ Онъ, явившись чрезъ затворенныя двери собраннымъ Апостоламъ, тоже дѣлаетъ вездѣ, гдѣ христіане собираются во едино во имя Его, на установленныя Церковію молитвословія и священнодѣйствія, и на нихъ исполняется данное Церкви въ лицѣ Апостоловъ обѣщаніе пребывать съ ними до скончанія вѣка. Дѣйствительность Его личнаго присутствія съ безкровной жертвою на алтаряхъ церковныхъ съ ощутительною точностію показываетъ Его непрерывное пребываніе, представляя Его, въ существенномъ актѣ Его посредническаго служенія, приносящимъ свою искупительную жертву за грѣхи міра, и приводящимъ вѣрующихъ въ участіе въ ней во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. Такъ присутствіе Иисуса Христа, двоякимъ образомъ являющееся въ Церкви, въ ея ученіи и таинственной жертвѣ, запечатлѣваетъ всѣ празднества Христіанскаго Богослуженія истиною событій изъ жизни Спасителя, составляющихъ предметъ этихъ празднествъ. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ великихъ событій является здѣсь съ характеромъ всеобщности и непрерывности своего значенія, какъ событіе изъ жизни Лица вѣчнаго; это уже больше чѣмъ воспомнаніе, это воспроизведеніе, или лучше, непрерывное продолженіе Его жизни, въ которомъ отражается уже вѣчность ея во времени и облекается въ формы періодической являемости только для приспособленія къ нашей ограниченности и измѣнимости. Такимъ образомъ различныя богослуженія и соответствующія ихъ значенію священнодѣйствія и молитвы Церкви, оживляютъ предъ нами собы-

тія изъ жизни Господа Спасителя. Точка зрѣнія, на которую въ семь случаѣ поставляетъ насъ Церковь, не есть точка зрѣнія, обращеннаго назадъ въ прошедшее, а прямаго и непосредственнаго. Такъ, въ службахъ предирозднества рождества Христова, она переноситъ насъ во времена, предшествовавшія рожденію Спасителя, и ими приготовляетъ насъ, какъ патріархи и пророки притовлялись къ срътенію Его; она вызываетъ протекшіе вѣка, слушаетъ ихъ голосъ и сама участвуетъ въ ихъ воздыханіяхъ о *чуждѣ народовъ*. И когда наступаетъ время исполненія этого событія, столь долго бывшаго предметомъ ожиданія, она послѣ полунощнаго часа слушаетъ вмѣстѣ съ пастырями радостное славословіе Ангеловъ небесныхъ, собираетъ и поставляетъ насъ у пещеры Виолеемской, чтобы видѣть и поклониться рожденному для насъ Божественному Младенцу; потомъ ведетъ насъ вмѣстѣ съ восточными царями въ Виолеемъ, чтобы ввести насъ въ участіе въ тѣхъ чувствахъ, съ которыми цари эти поклонялись рожденному Спасителю, и тѣхъ благодатныхъ даровъ, которые они приняли отъ Него. Наступаетъ святая четьырдесятница: тутъ Церковь постомъ, покаяніемъ и молитвами вводитъ насъ въ общеніе съ Спасителемъ, сорокъ дней проведеннымъ въ постѣ и молитвѣ, и приготовляетъ насъ къ послѣдованію за Нимъ даже на Голгову. Эти расположенія довершаются и восполняются святою великою седмицею: здѣсь Церковь старается ввести насъ во всѣ страданія нашего Божественнаго Искупителя, заставляетъ насъ сопутствовать Ему на всѣхъ путяхъ Его мученія, и посреди раздающихся гласовъ древнихъ пророковъ, предсказав-

нихъ Его страданіе и смерть, поучительно трогательными и поразительными пѣснопѣніями и чтеніями Отцевъ церкви, изъяснившихъ силу и значеніе Его страданія и смерти, она возобновляетъ картину, или, точнѣе, самое дѣйствіе великаго крестнаго жертвоприношенія, которымъ все совершалось и въ силу коего небо и земля облобызались. Тоже самое можно сказать о праздникахъ пасхи, пятидесятницы и другихъ.

Для развитія нашего ума и сердца по духу евангельскому, чтобы примѣромъ святѣйшей жизни Господа нашего Іисуса Христа, Его добродѣтелями наигать насъ по всеѣмъ силамъ и способностямъ души, по всеѣмъ чувствамъ нашимъ, воспитать и преобразовать насъ по Его образу, Церковь, на указанныхъ основаніяхъ, все это развиваетъ и представляетъ предъ нами въ праздничныхъ службахъ, въ чтеніяхъ, пѣснопѣніяхъ и различныхъ обрядахъ, съ возможнымъ благолѣпіемъ, неподражаемое достоинство которыхъ и удивительное дѣйствіе на душу сами собою представляютъ чувственное свидѣтельство истины, выражающейся и сіяющей въ ея Богослуженіи.

Празднества въ честь Святыхъ и призываніе ихъ въ помощь намъ, молитвы за умершихъ и принесеніе безкровной жертвы о ихъ спасеніи — составляютъ предметъ другихъ торжественныхъ службъ. Великія истины о безсмертіи души и судѣ Божіемъ, о силѣ вѣры и любви христіанской, связующихъ Церковь небесную и земную, о дерзновеніи и силѣ молитвы церковной предъ Богомъ, въ чемъ обнаруживается достоинство, величіе и могущество Церкви, представляются въ этихъ службахъ въ тонахъ самыхъ трогательныхъ, про-

никающихъ до глубины сердца. Какія произведе-
нія философин, краснорѣчія, поэзіи и музыки мо-
гутъ быть, хотя отчасти, сравнены съ содержаніемъ
и развитіемъ службъ заупокойныхъ, не говоря уже
о другихъ? И что это за религія, которая постав-
ляетъ въ обязанность *воспоминаніе*, *надежду* обра-
щаетъ въ добродѣтель, освящаетъ, оживляетъ и
питаетъ ихъ священнодѣяствіями, столь трогате-
льными и такъ высоко прорезвѣнными! Древніе при-
бальзамированіи наполняи благовоиіями тѣла у-
мершихъ; Церковь Христова вмѣсто благовоиіи
установила молитвенныя воспоминанія о своихъ
умершихъ; она не позволяетъ прерывать съ ними
живыя духовныя связи, предавать ихъ забвенію,
обливая памятованіе о нихъ своими святыми мо-
литвами и надеждами на вѣчную жизнь. Удиви-
тельное дѣло, она старается ослаблять и заглу-
шать первыя болезненныя пораженія скорби, при-
чиняемой намъ разлученіемъ съ существами, до-
рогими нашему сердцу, и она же заботится опять
возобновлять въ душѣ нашей печальныя воспо-
минанія объ нихъ, когда мы могли бы и забыть
ихъ; продолжаетъ питать сердечныя сѣтованія въ
то самое время, когда старается умѣрять ихъ; она
такимъ образомъ въ одно и тоже время отнимаетъ
у нашей печали какъ то, что есть въ ней наибол-
ѣе мрачнаго, такъ и то, что въ ней слишкомъ
преходяще. Далѣе, какая чрезвычайно высокая
картина этого необъятно огромнаго царства душъ
человѣческихъ съ ихъ тремя отдѣлами, всегда со-
стоящихъ въ связи и отношеніи между собою! Ог-
дѣль этого царства *воинствующій* подаетъ руку
помощи отдѣлу несовершенныхъ, *страждущему*, и
самъ въ тоже время ищетъ и получаетъ помощь

отъ отдѣла духовъ совершенныхъ, *торжествующаго*. По силѣ безкровной жертвы, благодаренія и молитвы, ходатайства о помилованіи и дѣйствительная помощь, благодатныя возбужденія и озаренія свыше, подкрѣпляющія и питающія вѣру, надежду и любовь, восходятъ и нисходятъ подобно благодѣтельными рѣкамъ, изъ одного отдѣла къ другому. Какъ въ мірѣ физическомъ ничто не существуетъ отдѣльно безъ связи и отношенія ко всемъ другимъ существамъ и предметамъ, его наполняющимъ; такъ и въ этомъ царствѣ душъ человеческихъ, все онѣ, подобно пластинкамъ магнитной связи, пользуются каждая своими собственными удѣльными силами, естественными и благодатными, и такими же силами всехъ другихъ.

Надобно согласиться, что ересь, къ собственному несчастію, отвергла все эти Божественныя истины, о чемъ она сама явно дастъ знать своимъ нападеніями противъ несомнѣнности и благодѣтельности этихъ истинъ. Почитаніе Святыхъ, твердить она, есть идолопоклонство и похищеніе славы, подобающей одному Богу и Ходатаю нашему Господу Иисусу Христу. Но отъ одного невѣжества могло родиться подобное возмуженіе. Кто не знаетъ, что почитаніе Святыхъ состоитъ въ благоговѣнномъ *воспоминаніи и прославленіи ихъ Святой жизни* и въ молитвенномъ *призываніи ихъ на помощь намъ*, не въ томъ, однакожъ, смыслѣ, что они могутъ сами по себѣ ниспослать намъ что либо, но чтобы они *молили* за насъ Господа, единого Раздавателя всехъ даровъ? Кто не видитъ изъ этого, что такое почитаніе Святыхъ поставляетъ ихъ на небѣ въ положеніе *ходатаевъ и молитвенниковъ нашихъ предъ Богомъ*, и, слѣдственно, чрезъ это

возвышается величіе Божіе и чрезъ прославленіе ихъ воздается слава единому Господу; т. е. все въ этомъ дѣлѣ оказывается рѣшительно противъ того, съ чего берутъ относительно его поводъ къ укоризнамъ.

Касательно молитвъ за умершихъ говорятъ, будто ими подрывается ученіе о предопредѣленіи, непозволяющее допускать какого либо *послабленія* (indulgence) со стороны правосудія Божія по отношенію къ твари, неизбѣжно осуждаемой или спасаемой, смотря по тому состоянію, въ какомъ она послѣ смерти предстаетъ на судъ своего Творца и Господа. Чтожъ? Это ученіе противниковъ нашихъ не подавляетъ ли само собою всякую мысль о милосердіи Бога, не подрываетъ ли Его правосудія, не оскорбляетъ ли Его святости? Ужели Богъ не есть отецъ нашъ? Ужели Онъ забылъ, изъ какого скудельнаго состава Онъ самъ образовалъ насъ? Или Его высочайшая святость можетъ смѣшиваться съ нашею нравственною нечистотою?... И разумъ, и сердце всецѣло встаютъ, всецѣло заявляютъ свое свидѣтельство противъ этого ученія; даже самые камни на могилахъ воиютъ противъ его суровости, столь же жестокой, какъ и гордость, послужившая ему источникомъ. — Чтоже касается славы нашего Божественнаго Ходатая, Господа Спасителя, она не только не унижается почитаніемъ Святыхъ и молитвами за умершихъ, а, на оборотъ, еще болѣе чувствуется и возвышается самымъ положительнымъ образомъ. Ему именно и воздается слава, въ Его святыхъ членахъ; торжество Его спасительной благодати и прославляется въ Его Святыхъ; въ силу Его искупительной жертвы только и пользуются Его спасительною благодатию какъ живущіе, такъ

и умершіе. Онъ одинъ есть какъ бы безпредѣльный океанъ, изъ котораго изливаются и въ который обратно востекають все заслуги, и какъ бы средоточіе, посредствующее между Богомъ и нами, чрезъ которое восходятъ все молитвы и нисходятъ все благодатныя дары. — Наконецъ почитаніе Святыхъ возбуждаетъ и питаетъ въ сердцахъ духъ благочестія и добродѣтелей христіанскихъ, воспоминаніемъ и прославленіемъ *святыхъ подвиговъ* изъ жизни угодниковъ Божіихъ, что всегда соединяется съ службами въ честь Святыхъ и составляетъ главную часть ихъ содержанія.

Что рѣчь о святыхъ подвигахъ срываетъ улыбку глумленія на устахъ извѣстнаго сорта людей, — это мнѣ извѣстно; но я знаю также и то, что легче смѣяться надъ подвигами благочестія, чѣмъ исполнять ихъ на дѣлѣ, когда рѣшаются быть истинно добродѣтельными.

Выслушаемъ Франклина, котораго, безъ сомнѣнія, не стануть обвинять въ недостаткѣ здраваго философскаго пониманія вещей человѣческихъ. Въ запискахъ, составленныхъ для наставленія и руководства своимъ дѣтямъ, вотъ что говоритъ этотъ знаменитый мужъ: «Когда я узнавалъ, или былъ въ увѣренности, что узналъ, что добро и что зло, мнѣ касалось, нѣтъ причины, почему бы я не могъ всегда дѣлать первое и избѣгать послѣдняго; но я вкорѣ убѣдился, что мною принято на себя обязательство столь трудное, какъ я и не воображалъ того. Между тѣмъ, какъ я напрягалъ мое вниманіе и прилагалъ мои усилія избѣгать одного проступка, я часто, не замѣчая того, впадалъ въ другой. Привычка овладѣвала моею невнимательностію, или лучше, склонность

была гораздо сильнѣе моего разума. Я понялъ наконецъ, что хстя умственно и бывають убѣждены, что собственное наше благо требуетъ отъ насъ *полной преданности одной добродѣтели*; но этого убѣжденія недостаточно для того, чтобы предупредить и отвращать насъ отъ дурныхъ поступковъ; что надобно прервать противныя добродѣтели знакомства, вмѣсто ихъ *приобрѣсти* добрыя и ихъ *держаться твердо*, прежде нежели можно разчитывать на постоянно одинаковую правильность поведенія.» Путь этой основанной мысли Франклинъ излагаетъ *порядокъ* жизни (методъ), какой онъ предписалъ самъ себѣ; порядокъ этотъ состоялъ въ *ежедневно* въ испытаніи собственной совѣсти и, для облеченія этого испытанія, въ *веденіи* *небольшой записной книги*, въ которой онъ подлѣ каждымъ наименованіемъ добродѣтели отмѣчалъ собственные пороки и погрѣшности и вмѣстѣ — свое же *неправленіе* въ нихъ. На этой книжкѣ выставлены въ родѣ эпиграфовъ *разныя тексты*, выражающіе напоминаніе о Богѣ, или призываніе Его въ помощь. Онъ считалъ такимъ образомъ, по его словамъ, *необходимымъ*, дабы умолять Бога о Его помощи, составлять и изъ своихъ рукописей переносить въ душу краткія молитвы и во всякое время пользоваться ими для своей цѣли; наконецъ онъ составилъ *респексаніе* занятій своихъ для *каждаго* изъ двадцати четырехъ часовъ дня. Въ заключеніе изложенія своего благочестиваго *порядка* жизни, Франклинъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Быть можетъ, потомству моему полезно будетъ знать, что этой *небольшой хитрости*, при помощи Божіей, ихъ предокъ *обязанъ* былъ *постояннымъ счастіемъ* своей жизни»

даже до семьдесятъ девятаго года, до наступленія котораго это писано. Я предположилъ-было составить краткія объясненія о каждой добродѣтели, и думалъ озаглавить мое сочиненіе объ этомъ: *искусство въ добродѣтели*; но порядокъ (методъ), какъ располагать жизнь свою добродѣтельно, лучше и полезнѣе простыхъ увѣщаній о добродѣтели, которыя похожи на рѣчь того, чья любовь, по выраженію св. Апостола (*), заключается только въ словахъ, и кто *нагимъ и не имѣющимъ дневнаго пропитанія*, не давая способа имѣть пищу и одѣяніе, предлагаетъ увѣщаніе: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь.» (**)

Порядокъ жизни (методъ), написанный Франклинѣмъ и выставляемый какъ *искусство въ добродѣтели*, указываетъ намъ Церковь Христова въ подвигахъ Святыхъ, жизнь которыхъ представляется намъ для подражанія въ ея службахъ. И, безъ сомнѣнія, эти наставленія религіи Христіанской гораздо могущественнѣе и вѣрнѣе всякихъ совѣтовъ въ этомъ дѣлѣ честнаго человѣка.

Насмѣхающіеся надъ подвигами благочестія мнѣ представляются подобными людямъ, плывущимъ по теченію рѣки, которые, сами будучи уносимы безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій, однимъ теченіемъ воды, смѣются надъ тѣми, кои, желая подняться вверхъ рѣки, хватаются за растенія, стоящія на берегу ея. Велико разстояніе, разделяющее два различныя въ нравственномъ отношеніи класса людей: — какъ тѣхъ, которые по-

(*) Іак. 2. 15. 16.

(**) Vie de Franklin, écrite par lui même, t. II, p. 388 и слѣд.

знали сами себя, и тѣхъ, кои не имѣютъ о себѣ познанія, такъ и тѣхъ, кои постоянно желаютъ преуспѣвать въ добродѣтели, и тѣхъ, кои единственно желаютъ лишь того, чтобы оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ удерживаютъ ихъ естественныя ихъ потребности, т. е. гдѣ не требуется отъ нихъ никакого труда. Первые, т. е. люди благочестивые, — это истинные философы, потому что они знаютъ самихъ себя и сильно желаютъ и ищутъ истинной мудрости. Для нихъ ничто не низко, что можетъ содѣйствовать имъ въ подвигѣ и возрастаніи на поприщѣ добродѣтели. Низко, по истинѣ, то, когда не сознаютъ собственной низости и ничтожества, или когда обрекаютъ себя на такое состояніе, признавая себя въ собственномъ мнѣніи великими, потому что въ этомъ состояніи не имѣется даже ни мысли, ни чувства объ истинномъ величій. (*) Только усиленные подвиги благочестія раскрываютъ и питаютъ въ насъ такую мысль и такое чувство, потому именно, что доводятъ насъ до живаго сознанія нашей собственной слабости. «Благочестивыя упражненія, горитъ одинъ писатель, каковы: священныя путешествія, колѣнопреклоненія, поклоны земные, продолжительныя стоянія нельзя считать не имѣю-

(*) У Святыхъ слышишь только одно: познавай силу своихъ грѣховныхъ склонностей; одно слышишь и у людей грѣшныхъ: старайся находить удовольствіе въ чистотѣ своихъ дѣйствій. Значитъ ли это, что люди сластолюбивые, скупые, гордые лучше Святыхъ? Нѣтъ! Это значитъ только то, что Святые, сначала устранивъ отъ своихъ глазъ призму собственныхъ похотей, ясно познаютъ истину.

щими особенной важности и значительнаго вліянія на жизнь благочестивую; они умигчаютъ сердце и дѣлаютъ его доступнымъ для тонкихъ чувствъ благочестія, смиряютъ и преклоняютъ разумъ предъ вѣрою. Чтобы сдѣлаться благочестивымъ христианиномъ, надобно стать младенцемъ. Поэтому и говорится, что благочестіе ведетъ насъ къ уничиженію предъ Богомъ.» (*) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: «надобно быть благочестивымъ съ нищетою, простотою и добродушіемъ, а не съ достоинствомъ и утонченною вѣжливостію, важно и математически разсчитанною.» (*)

Безъ сомнѣнія, молитва состоитъ не въ движеніи устъ и не въ преклоненіи колѣнъ и воздѣяніи рукъ; она должна быть изліяніемъ и какъ бы тонкимъ воскресеніемъ души предъ Творцемъ; въ этомъ смыслѣ молитва внутренняя, невыражаемая словомъ, есть наилучшая, и этого совершенства въ молитвѣ мы должны достигать. Но кто же можетъ молиться такимъ образомъ съ перваго раза, какъ только захочетъ; кто можетъ вдругъ перейти отъ разсѣянія къ самособранности, перенестись отъ земли на небо безъ предуготовленія, безъ перехода? Потому то молитва словесная и все, что соединяется съ нею, — мѣсто и время, повтореніе одного и того же, разные вишіе знаки, самое положеніе тѣла и проч., — все это и составляетъ предуготовленіе, переходъ и, такъ сказать, священную гимнастику молитвы внутренней. Такъ орелъ не сразу поднимается на высоту небесную, но, оставляя землю, манетъ тяжелыми своими

(*) *Pencées, Essais et maximes de J. Joubert, t. 1 p. 119,*

(*) *Ibid. t. 1, 117.*

крыльями и разсѣкаетъ густой воздухъ, пока поднимется до высшихъ областей его, и потомъ уже плаваетъ неподвижно въ лазури небесъ.

Но, говорить, злоупотребленіе и суевѣріе какъ легко могутъ пользоваться этими средствами и занимать мѣсто благочестія? Нельзя оспаривать того, что могутъ быть и бывають иногда подобныя злоупотребленія; но когда дознана отличная польза правильнаго употребленія означенныхъ средствъ, доказываютъ ли что эти злоупотребленія? И чего нельзя было бы отвергнуть подобными возраженіями?

Человѣкъ злоупотребляетъ всѣмъ и особенно тѣмъ, что само по себѣ имѣетъ высокое достоинство, однимъ только зломъ онъ не злоупотребляетъ. Къ тому же не обращаютъ вниманія на то, что не подвиги благочестія производятъ въ насъ расположеніе къ вѣрѣ или суевѣрію; это расположеніе само по себѣ, естественно, существуетъ на самомъ дѣлѣ у всѣхъ людей. Предоставленное своимъ собственнымъ влеченіямъ, это расположеніе далеко можетъ сбиваться съ пути и легко впадать въ самыя чудовищныя нечеловѣчности, отъ которыхъ не въ состояніи были бы оградить себя и самыя великіе умы, какъ голько вокругъ нихъ распространиласьбы зараза этихъ нечеловѣчностей. Благочестивыя упражненія дѣятельно предупреждаютъ развитіе суевѣрія, сообщая истинное направленіе расположенію, порождающему суевѣріе, и обращая его къ предмету, единственно могущему питать его. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что христіанское Богослуженіе съ своими виѣшними принадлежностями и условіями составляетъ какъ бы ограду, которая могущественно содѣйст-

вуетъ успѣхамъ просвѣщенія, предотвращая поворотъ къ тѣмъ язычества, и это содѣйствіе тѣмъ необходимо для людей, чѣмъ выше они стоятъ. Мы предполагаемъ послѣ развить это положеніе въ особомъ трактатѣ; и мы, дѣйствительно, какъ покажетъ самое дѣло, не имѣемъ недостатка ни въ авторитетахъ, ни въ примѣрахъ для подтвержденія этой истины, и намъ нѣтъ нужды далеко ходить за ними. Здѣсь же достаточно только указать на эту важнѣйшую истину.

Впрочемъ возраженіе, замѣтуемое отъ означенныхъ злоупотребленій, приведетъ насъ опять къ нашему собственно предмету, представляя поводъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о высокой мудрости Христіанства, съ какою оно предупреждаетъ злоупотребленія его собственною практикою.

Двоякаго рода злоупотребленія могутъ здѣсь прикрываться: *во первомъ*, можетъ быть придаваема слишкомъ исключительная важность внѣшнимъ дѣйствіямъ Богослуженія, какъ имѣющимъ значеніе самимъ по себѣ, независимо ни отъ чего; *во вторыхъ*, съ этими дѣйствіями могутъ соединяться другія дѣйствія, сами по себѣ пустыя, или безправденныя и злоуредныя.

Что касается злоупотребленій перваго рода, то и въ Евангеліи нѣтъ ничего столь сильнаго, и въ проповѣди церковной — ничего столь положительнаго, какъ осужденіе, противъ нихъ направленное. Съ нашихъ кафедръ что повторяется чаще слѣдующихъ прещеній нашего Господа Спасителя: *„не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго. — Горе вамъ, книжники и фарисеи,*

сеи, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставляете важнейшее въ законъ, судъ, милость и вѣру: сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять. (*) Раздерите ваши сердца, а не ваши ризы» и проч. Съ такою силою и настоятельностью въ церковныхъ наставленіяхъ напоминаетъ непрестанно та истина, что внѣшнія богослужебныя дѣйствія теряютъ свое значеніе безъ внутреннихъ сердечныхъ расположеній, что выполненіе ихъ можетъ быть спасительно только тогда, когда началомъ и источникомъ ихъ бываетъ духъ искренняго и непритворнаго благочестія, что и составляетъ очевидное свидѣтельство о той мудрой заботливости, съ какою Церковь старается предохранять отъ неправильнаго употребленія ея богослужебныхъ установленій, или замѣна ими дѣйствій истинной добродѣтели.

Что же касается другаго рода злоупотребленій, которыми вводятся въ Богослуженіе дѣйствія пустыя, или безнравственныя и зловредныя, чему, дѣйствительно, надобно удивляться; то должно сказать, что ни одно изъ подобныхъ злоупотребленій не могло укорениться между богослужебными дѣйствіями, и Церковь православная, по прошествіи осьмнадцати вѣковъ предразсудковъ человѣческихъ, заблужденій и варварства, отъ начала своего существованія не имѣла и не имѣетъ ни одного богослужебнаго установленія или дѣйствія, которое она считала бы нужнымъ скрывать предъ свѣтомъ образованности и просвѣщенія человѣческаго, или лучше, котораго она не выставляла бы для собственной славы, какъ внѣшняго и выра-

(*) Мат. 7, 21. — 23, 33.

ботаннаго глубокимъ познаніемъ сердца человѣческаго и одобряемаго въ семь отношеніи примѣромъ и сужденіями лучшихъ людей. — Только люди пустые и суетные, можетъ быть, постарались бы внести свои безразсудные вымыслы въ Богослуженіе; но люди, водящіеся мудростію, свѣще исходящею, всегда ихъ отвергали. Никогда подобныя вымыслы не могли войти въ составъ Богослуженія и сплотиться съ нимъ гармонически; они не могли быть даже терпимы въ немъ. «Предразсудки и вымыслы, говоритъ Фенелонъ, сами по себѣ не свойственны религіи истинной, а — только религіямъ ложнымъ. Въ сихъ послѣднихъ они господствуютъ по необходимости; такъ какъ эти религіи — дѣло ума человѣческаго; но въ религіи истинной, установленной самимъ Богомъ, все, что самимъ умомъ человѣческимъ прибавляется вновь, оказывается не имѣющимъ въ ней основанія; къ дѣлу Божию разумъ человѣческій не способенъ прибавить что нибудь существенное и прочное». (*)

Надобно обратить вниманіе и на то, съ какою мудростію, съ какою осмотрительностію и умѣренностію дѣйствуетъ Церковь въ этомъ отношеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Всѣ дѣла вѣшняго благочестія, сдѣлавшіеся обычными въ Христіанствѣ, по ея суду, имѣютъ не одинаковую важность: нѣкоторыя она положительно предписываетъ всѣмъ, каковы: посты и воздержанія въ извѣстныя времена; а нѣкоторыя предлагаетъ только какъ совѣтъ, каковы, наприм. молебныя пѣнія въ домахъ по разнымъ случаямъ, и т. п.... Можно, однакожъ, пожалѣть, что нѣтъ возможности войти здѣсь въ

(a) Histoire des oracles, p. 3. Elrevir.

и въкоторыя подробности и показать, сколько ума и сколько истинной философіи въ этихъ скромныхъ и благочестивыхъ обычаяхъ церковныхъ; одно только можемъ сказать, что въ нихъ заключается таинственное соответствие съ нуждами и потребностями челоуѣка въ разныхъ перемѣнахъ его жизни. Вольнодумецъ, пожалуй, станетъ смѣяться, смотря на цѣлыя ряды народа, повторяющаго одни и тѣже дѣйствія, или слова; но кто провѣщенъ высшимъ свѣтомъ, тотъ пойметъ изъ этого, сколько сластои заключаетъ въ себѣ благое иго христіанскаго благочестія, и сколько легкости, силы и удовольствія сообщаютъ жизни его дѣйствія, по видимому, столь тягостныя и столь сухія и безплодныя.

«Слушай, сынъ мой, прими мои наставленія и не отвергай моихъ совѣтовъ. Положи свои ноги въ оковы ея (мудрости), и въю свою — въ цѣпь ея. Преклони рамена свои и понеси ее, и не скучай узами ея. Всею душою своею прильпнись къ ней, и всею силою своею сохраняй пути ея. Слѣди за нею, нищи ея, — и она дастъ тебѣ узнать себя; а когда найдешь, не оставляй ее. Напоследокъ ты обрѣтешь въ ней успокоеніе, а она обратится тебѣ въ радость. Ея оковы будутъ для тебя огражденіемъ, и цѣпь ея на вышн — пышнымъ украшеніемъ: ибо на ней златое украшеніе, и узы ея — гіацинтовая ткань. Ты одѣнешься ею, какъ пышною одеждою, и возложишь ее на себя, какъ вѣнецъ радости». (*)

3. Для полноты этого краткаго очерка по предмету, для котораго одного потребовалось бы цѣлое

(*) Сир. 6, 24 — 32.

особое сочиненіе, намъ оставалось бы поговорить о сторонѣ христіанскаго Богослуженія, наиболѣе дѣйствующей на чувство,—о сторонѣ его эстетической, которою оно состоитъ въ связи съ изящными искусствами. Но знатоки искусства и вкуса уже писали объ этомъ предметѣ съ такимъ превосходнымъ успѣхомъ, послѣ котораго намъ уже не остается ничего дѣлать. Впрочемъ, духъ убѣжденія, подѣрживавшій насъ досель, побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Не увлекаясь никакими притязаніями, мы не имѣемъ причины смущаться какими либо опасеніями, и намѣрены здѣсь заняться не столько искусствомъ, сколько замѣчаніями совершенно частными, которыя желаемъ предложить вниманію читателя. При томъ есть изящныя произведенія искусства собственно христіанскаго, такъ же какъ есть великія произведенія во всѣхъ другихъ родахъ, по истинѣ изящныя; объ нихъ могутъ говорить все, потому что они говорятъ все.

Если брать въ разсмотрѣніе каждое изъ изящныхъ искусствъ отдѣльно и восходить къ главнымъ художникамъ, отъ которыхъ каждое изъ нихъ произошло, къ первоначальникамъ ихъ, въ которыхъ каждое изъ нихъ какъ бы олицетворяется, то нельзя не прійти по всеѣмъ отраслямъ искусства къ Христіанству, какъ средоточию ихъ святъ и лицу.

Такъ относительно поэзіи я не думаю, чтобы кто нибудь изъ людей, съ истинно образованнымъ вкусомъ, ставилъ что либо выше нашихъ священныхъ книгъ. Моисей, Іовъ, Исаія, Іеремія, Варухъ, Давидъ (не говорю уже о святомъ Евангеліи, которое, при высокомъ содержаніи, представляетъ

высочайшій образецъ простоты, достойной всякаго уваженія и было бы образцовымъ совершенствомъ искусства, если бы не было выше его),—вотъ дѣйствительно первые образцы высокаго, простаго, трогательнаго, страшнаго, простосердечнаго, такъ что не возможно, кажется, достигнуть вышшаго успѣха въ каждомъ изъ этихъ родовъ, развѣ только подъ условіемъ подражанія этимъ образцамъ, подъ условіемъ сдѣлаться *библейскимъ*,—выраженіе, обнимающее собою все. Равнымъ образомъ и относительно краснорѣчія достаточно поименовать св. Іоанна Златоуста, относительно живописи—Рафаеля, относительно ваянія—Мишель Анжа, относительно музыки—Палестрину; и подъ каждое изъ этихъ великихъ именъ подходитъ множество другихъ именъ, которыхъ отличаются своею извѣстностію только потому, что приближаются къ этимъ образцамъ. Но слава всѣхъ этихъ главныхъ знаменитостей искусства дошла до насъ только въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ, существенно христіанскихъ, вдохновенныхъ и выполненныхъ потребностями христіанскаго Богослуженія. И потому надобно идти въ свѣтые храмы, если хотятъ узнать ихъ истинное достоинство на ихъ собственной почвѣ, иначе они представляются какъ бы изгнанными изъ ихъ роднаго отечества.

Въ другихъ мѣстахъ искусства находятся въ разьединеніи между собою, дѣйствуютъ разобщенно одно отъ другаго и безъ общей цѣли. Въ храмахъ они все сходятся вмѣстѣ и соединяются между собою; по началу вдохновенія и по цѣли проникаются однимъ духомъ христіанскаго Богослуженія.

Другая здѣсь характеристическая черта, которой не слѣдуетъ выпускать изъ вида, та, что изящныя искусства не представляются столько *общенародными*, ни въ какомъ другомъ положеніи, какъ при Богослуженіи христіанскомъ. Тутъ только слушателями краснорѣчія бываетъ собраніе народа и, такъ сказать, природа человѣческая лично. Тутъ ежедневно всѣ безъ различія допускаются созерцать обряды и церемоніи, наслаждаться пѣснопѣніями и благолѣпіемъ, по истинѣ, высокими, говорящими всякому сердцу, могущими глубоко растрогивать души самыя холодныя и изъ очей нечестія исторгать слезы, составляющія по отношенію къ Религіи Христовой возмездіе за насмѣшки ея порицателей.

Еще весьма замѣчательное свойство художественнаго изящества въ христіанскомъ Богослуженіи то, что оно никогда не преходитъ, всегда самому себѣ равно, оно всегда древне и всегда ново; и тогда какъ произведенія мірскаго искусства увлекаются измѣнчивымъ вкусомъ моды, произведенія христіанскаго искусства облекаются такимъ образомъ, котораго ничто не изглаждаетъ, и съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались принадлежностію Церкви Христіанской, они, кажется, не подлежатъ условіямъ времени.

Наконецъ, изящество христіанскаго искусства отличается въ высшей степени свойствомъ чистоты, искренности и важности. По этому свойству оно побѣждаетъ и торжествуетъ только тѣмъ, что несомнѣнно нанесло бы смерть искусству мірскому; потому что оно вдохновляется только истиною и добродѣтелию, проникаетъ и потрясаетъ, восхищаетъ и увлекаетъ сердца наши не иначе, какъ подав-

ля или разбѣвая всякаго рода страсти наши. Это единственное преимущество, свойственное одному христіанскому искусству, достаточно свидетельствуетъ о томъ, что въ немъ присутствуетъ и его одушевляетъ истина.

Такимъ образомъ Христіанство есть какъ бы средоточіе, въ которомъ сводятся все изящныя искусства и изъ котораго они заимствуютъ все, что есть въ нихъ наиболѣе высокаго и благороднаго, наиболѣе всеобщаго и общенароднаго, наиболѣе неизмѣннаго, истиннаго и чистаго. Христіанство, по отношенію къ искусствамъ, есть общее основаніе, на которомъ все они зиждутся, и Божественный жертвенникъ, на которомъ они возжигаются. Въ Христіанствѣ прекрасное является въ своей полнотѣ, среди своего роднаго неба и, такъ сказать, въ своемъ зенитѣ.

Эти отвлеченныя соображенія достойны всякаго довѣрія, и человѣкъ съ образованнымъ вкусомъ не можетъ не согласиться съ вышеизложенными истинами.

Но углубился ли кто мыслію въ тѣ строгія слѣдствія, какія заключаются въ этихъ истинахъ?

Изреченіемъ Платона, приведеннымъ въ началѣ настоящаго трактата: *«прекрасное есть сіяніе истинны»* вѣрно выражается существенная мысль, заключающаяся въ выше изложенныхъ нами положеніяхъ. Это изреченіе должно имѣть полное приложеніе въ высшей степени своего значенія преимущественно тамъ, гдѣ прекрасное является со всеми свойствами, въ высшей степени ему принадлежащими, на которыя мы только что указали, и которыми предполагается истина въ ея полнотѣ. Здѣсь впрочемъ, существуетъ совершенно особая, исключи-

тельная причина такого проявленія прекраснаго. Въ противоположность искусству древнему, которое славилось только *формою* и, подобно ей, выражало истину только ограниченную, существенно относительную и служебную, искусство христіанское, какъ мы уже замѣтили, замѣтуетъ всю свою красоту *изнутри*, т. е. изъ самой сущности истины. Здѣсь воплѣтъ достойно вниманія то, что искусство древнее достигло превосходныхъ успѣховъ преимущественно въ *статуяхъ*, гдѣ собственно и является искусство *формы*. Но какъ далеко его превосходитъ искусство христіанское глубиною идеи своихъ произведеній и нравственною высотой одушевляющаго ихъ чувства въ живописи, музыкѣ и архитектурѣ, которыя служатъ исключительно лучшимъ выраженіемъ и истолкованіемъ христіанскаго искусства! Прекрасное въ произведеніяхъ этого искусства состоитъ въ ихъ прозрачности, по которой въ нихъ просвѣчивается и испускаетъ свои блестящіе лучи сама красота внутренней истины, ими выражаемой. Однимъ словомъ, искусство языческое воспиталось и развилось на формахъ тѣла человѣческаго; а искусство христіанское развилось и процвѣло подъ вліяніемъ духа; и прекраснымъ, имѣющимъ начало и происхожденіе свое въ духѣ, можетъ быть только красота самой истины положительной. По этому духовная красота христіанскаго искусства по существу своему есть, какъ высказалъ это Платонъ, *сіяніе истины и образъ ея сущности*. (*)

(*) Не надобно впрочемъ, забывать, что и въ языческомъ искусствѣ есть нѣкоторая сторона высшая, нѣкотораго рода красота идеальная, олимпійская, составляющая

Это замѣчаніе богато самыми обширными приложеніями, которыя, надѣмся, съумѣетъ сдѣлать образованный вкусъ каждаго изъ нашихъ читателей. Мы ограничимся однимъ изъ такихъ приложеній, котораго достаточно будетъ для того, чтобы оно могло служить общимъ указаніемъ въ этомъ дѣлѣ.

Возстановляя человѣка, Христіанская Религія, какъ мы уже сказали, имѣетъ въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе всѣхъ низшихъ существъ, ему подвластныхъ. Однажды своею спасительною благодатию проникши въ сердце человѣка, она распространяетъ дѣйствія той же благодати на всѣ его силы и способности душевныя и тѣлесныя, на всѣ его отношенія и связи, а чрезъ него и на весь внѣшній міръ, ему подвластный. Она все сближаетъ съ человѣкомъ. Съ усвоеніемъ ея ученія и правилъ нравственныхъ, человѣкъ обогащается высокими идеями, украшается добрыми нравами и обычаями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и изящными искусствами; чрезъ искусства, служащія для него образовательными органами, онъ уже дѣйствуетъ и на матерію, которая, служа для нихъ матеріаломъ и средствомъ, избавляется чрезъ то отъ рабства грѣховной суетѣ и запечатлѣвается характеромъ Христіанства. Однимъ

какъ бы продолженіе, или плодъ воспоминанія о *золотомъ вѣкѣ*, т. е. о состояніи человѣка до его паденія. Въ искусствѣ христіанскомъ просіяваетъ не идеальное прекрасное, но красота сверхъестественная, вдохновенная предчувствіемъ и предвкушеніемъ *будущаго вѣка*, и она-то преобразуетъ формы тѣлесныя подъ лучезарнымъ осіяніемъ совершенства и блаженства нравственнаго, которыми проникаются и возвышаются эти формы до совершенства безконечнаго.

словомъ, тоже бываетъ въ порядкѣ откровенія, какъ и въ порядкѣ природы,—невидимое отражается и проеѣчивается въ видимомъ, и Христіанство, еще до кончины міра, созидаетъ *новую землю*, раскрывая на ней *новое небо*.

На этомъ пути наблюденія первый представляющійся намъ предметъ, войти въ разсмотрѣніе котораго единственно позволяетъ намъ расположеніе нашей матеріи и нашихъ силъ, есть архитектура, этотъ царь искусствъ, какъ справедливо называетъ ее Викторъ Гюго.

Архитектура нашихъ величественныхъ храмовъ самымъ естественнымъ и выразительнѣйшимъ образомъ отражаетъ въ себѣ духъ христіанскій. Это—христіанская мысль, перетворившаяся въ зданіе. По этому архитектуру христіанскую цѣлая бездна отдѣляетъ отъ архитектуры древней.—Направленіе этихъ зданій вверхъ, ихъ высота,—это первый отличительный характеръ ихъ. Древняя архитектура храмовъ слишкомъ много занимала мѣста, но обширность ихъ распространялась горизонтально. Очевидно, взоръ человѣка не поднимался тогда къ небу. Возводя взоръ человѣка къ небу, Христіанство, въ соотвѣтствіе ему, сочло нужнымъ туда же устремить и сводъ своихъ храмовъ. Мысль эта сама собою очевидна. Башни и шпицы нашихъ соборовъ какъ бы невольно заставляютъ насъ отрѣшиться наши глаза отъ земли и вмѣстѣ съ ними устремляться взорами души къ міру духовному. Даже, съ удержаніемъ древняго стіля, Христіанство видоизмѣнило его замѣчательнымъ образомъ въ томъ же смыслѣ. Оно сдуло его своды, и на мѣсто ихъ воздвигло куполь. Когда Мишель Анжъ при разсмотрѣніи Пантеона,

вскричалъ: «я поставлю его на воздухъ», въ этомъ случаѣ одушевлялъ его гений христіанскій; а вѣра христіанская, та вѣра, которой обѣщано могущество переставлять горы, помогла ему выполнить его великую мысль.

Но преимущественно во всемъ величій развернулась мысль христіанская въ такъ называемой архитектурѣ готической. Ея легкость, смѣлость, бѣгучесть и переливы всѣхъ ея направленій въ высшей степени выражаютъ отрѣшенность нашей природы отъ земли, ея вѣру, надежду и новое стремленіе къ небу. Въ образцахъ искусства греческаго колонны поддерживаютъ зданіе; въ образцахъ готическихъ онѣ его уносятъ вверху. Ихъ малый размѣръ придаетъ еще болѣе эффекта ихъ высоту. Эти колонки, связанныя пучками (живое выраженіе христіанскаго единства во множествѣ), стремятся, подобно потокамъ, которыхъ ничто не останавливаетъ и которые текутъ безвозвратно. Тутъ нѣтъ ни капителей, ни карнизовъ какъ бы указывающихъ пору остановки; свободнымъ полетомъ несутся въ своды эти колоны, или лучше стрѣлки. А самые эти своды какимъ замѣчательнымъ запечатлѣны характеромъ!

Въ древней архитектурѣ сводъ (въ стилѣ греческомъ это плафонъ), состоитъ изъ одной дугообразной линіи, ниспадающей двумя концами своими и упирающейся на карнизахъ. Въ архитектурѣ готической сводъ состоитъ изъ двухъ линій, пересѣкающихся другъ друга въ своемъ полетѣ вверху, или изъ двухъ параболъ взаимно пересѣкающихся, изъ коихъ ни одна не возвращается назадъ. Стрѣлка свода чрезъ это самое придаетъ и безъ того удивительной высотѣ зданія высоту вообра-

жаемую, простирающуюся до бесконечности, и одухотворяющуюся предъ взоромъ. Такимъ образомъ въ этой высотѣ поразительно выражается отличительное стремленіе Христіанства. Ею передаются самому камню тоска земная и горячее желаніе неба. Низшія стороны зданія, въ противоположность срединѣ храма, способствуютъ тому, что его высота еще болѣе выставляется предъ взоромъ. А эти многочисленныя промежуточныя пространства между колонками, эти стрѣльчатые ребра и края, разнообразно перекрещивающіеся на каждомъ шагу, представляютъ собою таинственный лабиринтъ, въ который мысль съ любовію углубляется и теряется въ немъ, и выноситъ оттуда оживленное чувство бесконечнаго.—Это чувство въ особенности возбуждается и оживляется безчисленными вырѣзками и украшеніями, поглощающими все вниманіе, которыя, кажется, всецѣло оцѣдляютъ камень отъ его грубой природы и представляютъ зданіе не столько матеріальнымъ сооруженіемъ, сколько духовною окаменѣlostію. Представляющіеся въ этихъ зданіяхъ религіозные символы, которые, такъ видимо, проникаютъ и одушевляютъ ихъ, придаютъ имъ еще большее обаяніе: можно сказать, что міръ невидимый внезапно тутъ явился съ своими тайнами, чтобы занимать нашъ умъ и сердце. Что сказать объ этомъ множествѣ небольшихъ каплицъ и уединенныхъ помѣщеній, столь благопріятныхъ для благочестивыхъ размышленій, для изліянія покаянныхъ чувствъ сокрушенія, страха, надежды, любви, и которыя такъ и влекутъ утомленное сердце къ успокоенію, удаленію отъ людей, приближенію къ Богу? — Наконецъ обворожительное дѣйствіе

окопъ, съ ихъ прекрасною живописью и таинственными изображеніями, на все это бросаетъ, по видимому, сверхъестественный свѣтъ, и когда восходящее или заходящее солнце проникаетъ чрезъ нихъ своими лучами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ окрашиваются ихъ разнообразными цвѣтами и потомъ разсѣваются во внутренности всего зданія; тогда, можно сказать, видимъ здѣсь тотъ Іерусалимъ небесный, о которомъ говоритъ Св. Апостоль, весь блестящій золотомъ, алмазами и рубинами.

Такова христіанская архитектура. Она составляетъ истинное творчество, такъ она противоположна типамъ архитектуры древней. Безъ сомнѣнія, мы не изъ числа тѣхъ любителей архитектуры, которые забываютъ прекрасныя достоинства древняго зодчества, даже когда оно остается въ своѣхъ предѣлахъ, и не изъ числа тѣхъ, коихъ удивленіе къ готическому стилю слишкомъ исключительно и имъ только ограничиваетъ свой вкусъ. Но нельзя не согласиться, что древняя архитектура, по своимъ свойствамъ, сродна и сливается только съ идеями земными, чувственными и ограниченными. Она тяготеетъ къ землѣ и къ ней привязана, какъ къ своему исключительному отечеству. Свойственная ей симметрическая правильность, чистота линий и гармонія цѣлаго, усматриваемая съ перваго взгляда, успокоивающія взоръ со всехъ сторонъ и не оставляющія ему ничего больше желать и доискиваться, выражаютъ довольство настоящимъ; тутъ благополучіе полное, успокоеніе послѣ дѣйствительнаго удовлетворенія, нѣтъ ничего выще и внѣ этого. Потому архитектура эта вполне соответствуетъ потребностямъ театра

или биржи, палатамъ вельможъ. Но она прогоняетъ, подавляетъ, уничтожаетъ печаль, раскаяніе, вѣру, надежду, упованіе на безсмертіе, всѣ тѣ духовныя и нравственныя стремленія, цѣль которыхъ не здѣсь на землѣ, развитіе и усовершенствованіе которыхъ дѣлаетъ человека великимъ, обнаруживаетъ въ немъ Богоподобныя свойства. Напротивъ готическая архитектура удивительнымъ образомъ гармонируетъ съ этими стремленіями: въ ней они и выражаются, ею они возбуждаются и питаются. Ея устремленіе къ небесамъ, могущество и легкость ея полетовъ, неопредѣленность всѣхъ ея направленій, таинственная и непрестанно измѣняющаяся непредѣльность ея перспективы, *эта мрачная громадность*, и это эхо, раздающееся неизмѣримыми перекатами, все здѣсь одухотворяетъ душу, разрываетъ ея земныя привязанности и заставляетъ ее трепетать какимъ-то таинственнымъ предчувствіемъ лучшаго будущаго, коего она не въ состояніи пріобрѣсти всѣми своими добродѣтелями.

Впрочемъ, какъ и не возбуждать, какъ и не внушать этихъ идей и чувствъ христіанской архитектуръ, когда она сама составляетъ порожденіе ихъ, самое свободное и непринужденное? Древніе греческіе храмы выражаютъ недѣлимый личный вкусъ, съ разчетомъ на власть и вліяніе; памятники египетскіе грубую силу и рабство; наши христіанскіе храмы внушаютъ мысль о силѣ и могуществахъ духовныхъ, собирательныхъ, общественныхъ, свободно посвятившихъ себя дѣлу любви. Такъ и чувствуется, будто тутъ круговращаются таинственные соки жизни, почерпнутые изъ сущности христіанской вѣры. Можно сказать, что въ кладкѣ этихъ зданій

принимали участіе не руки человѣческія, а однѣ идеи ума, и чувства сердца служили для нихъ цементомъ, что эти камни одушевлены дыханіемъ вѣры всего народа и сами понимали, какъ имъ удобнѣе расположить-ся для пѣнія священныхъ пѣснопѣній, которыя съ такимъ наслажденіемъ въ нихъ повторяются (*).

(*) Вотъ картина сооруженія храмовъ, переданная намъ однимъ изъ современниковъ, которая можетъ показаться баснословною для нашихъ развращенныхъ временъ. „Кто когда слышалъ, писалъ въ 1145 году аббатъ святаго Петра, настоятель одного монастыря въ Нормандіи, бывший очевидцемъ сооруженія великолѣпнаго собора на мѣсто скромной церкви своей обители,—кто когда видѣлъ, чтобы князья и вельможи, сильные вѣка сего, люди военные и женщины, нѣжно воспитанныя, добровольно подклоняли выю свою, подобно вьючнымъ животнымъ, подъ ярмо для перевозки тяжелыхъ кладей? Ихъ встрѣчали тысячами, тянущихъ иногда одну какую нибудь машину, такъ она была тяжела,—или перевозящихъ на большія разстоянія пшеницу, вино, масло, известь, камни и другіе строительные матеріалы. Ничто ихъ не останавливало, ни горы, ни долины, ни даже рѣки; они переходили ихъ какъ нѣкогда народъ Божій. Но чудо было въ томъ, что эти безчисленныя толпы совершали свой путь безъ шума и безъ всякихъ беспорядковъ, ихъ голосъ раздавался только по данному сигналу: тогда они начинали пѣть священныя пѣсни, или умоляли милосердіе Божіе о своихъ грѣхахъ. Достигши до мѣста своего назначенія, они, подобно солдатамъ въ лагерѣ, отдѣльными артелями располагались вокругъ церкви и каждая изъ артелей держалась своей повозки: съ наступленіемъ ночи зажигали восковыя свѣчи, пѣли молитвы, приносили дары къ святымъ останкамъ; а потомъ уже священники, клирики и народъ съ великимъ назиданіемъ возвращались каждый

Преданные міру, наследники этихъ послушниковъ вѣры нашихъ предковъ, если мы не умѣемъ сознать ихъ, то научимся по крайней мѣрѣ сохранять ихъ, уважать, любить, посѣщать ихъ въ томъ же духѣ вѣры и благочестія, съ какъми они созидались и который наполняетъ ихъ еще досель своимъ величіемъ. Будемъ внимательны къ голосу, исходящему изъ ихъ сводовъ, столбовъ, изъ ихъ половыхъ плитъ, истертыхъ ногами молящихся; это — великій голосъ поколѣній святыхъ, которые, въ благочестивыхъ порывахъ своей вѣры, воздвигли эти памятники, тутъ же и почилъ подъ ними, съ надеждою блаженнаго безсмертія, и, кажется, еще и досель невидимо носятъ около насъ, побуждая насъ молитвенно преклоняться въ свою очередь предъ тѣмъ же Богомъ, который былъ здѣсь ихъ силою, а теперь тамъ — ихъ наградою, и предъ котораго намъ самимъ надлежитъ также неизбежно предстать и дать отчетъ въ нашемъ невѣрїи и невѣрности предъ Нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая душа, до того развращенная и закоренѣлая въ холодномъ равнодушіи и нечесгїи, чтобы не войти въ сомнѣніе о самой себѣ и не почувствовать себя проникнутою какъ бы нѣкоторою особою атмосферою жизни, когда случай, или любопытство вводятъ ее въ одинъ изъ древнихъ храмовъ, даже пустыхъ? Кто бы вы ни были, кому можетъ случиться испытать на себѣ опытъ подобнаго животворнаго возбуж-

къ своему очагу, идя въ порядкѣ, съ пѣніемъ псалма, или съ молитвою о болящихъ и постигнутыхъ несчастіемъ.“ *Haimo abb. S. Petri super Divam.* (Смотр. *Mabilf. Annal. ord. S. Bened, t. VI p. 396*).

демя, не пренебрегайте этимъ возбужденіемъ, не подавляйте его; въ немъ, повѣрьте мнѣ, заключается удовольствіе благороднѣйшимъ потребностямъ вашего существа. Сдѣлайте то, что внушается вамъ этимъ возбужденіемъ. Если оно нерѣшительныя стопы ваши влечетъ къ подножію алтаря, приступите къ нему; и тамъ наединѣ, въ присутствіи единого Бога, котораго вы такъ долго забывали, преклоните ваши колѣна, повергнитесь на землю и дайте волю вашимъ устамъ и вашему сердцу свободно излиться въ молитвѣ. Продолжите вашу молитву; эта молитва — великое благо для вашей души. Кто знаетъ? быть можетъ, этотъ, по преимуществу, великій даръ Божій, о которомъ вы такъ долго воздыхаете въ тайнѣ и въ которомъ угодно было Богу досель отказывать вамъ, при всѣхъ изысканіяхъ вашего разума, здѣсь именно васъ и ожидаетъ съ любовью и вы, повергаясь на колѣни съ душою, обуреваемою сомнѣніями, встанете вѣрующимъ.—Такие случаи бывали не рѣдко. Есть живые примѣры, какъ души, упорно отвергавшія самыя очевидныя и положительныя доказательства христіанской истины, внезапно уступали спасительному возбужденію подобнаго рода и изъ простаго посѣщенія церкви выносили съмя вѣры, рѣшившей скорое или медленное ихъ обращеніе на путь спасенія....

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 29 Октября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.